

ПЕРВОМАЙСКОГО
ВАМ НАСТРОЕНИЯ!

«С ДРУГИМИ
СО ВСЕМИ,
НЕОКРЕПШИЙ ЕЩЕ,
ПОД ТЯЖЕЛОЕ
ВРЕМЯ
ОН ПОДСТАВИЛ
ПЛЕЧО...»

ГАЛИНА
ИВАННИКОВА —
председатель,
дочка
председателя

СЕМЕЙНАЯ
ИСТОРИЯ,
которая
взбудоражила
казахский аул

У ПОБЕДЫ
ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

ISSN 0130-2647

Крестьянка

5'88

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Крестьянка

5 '88

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН
И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА.

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Мир, труд, май!

Что ни город — то норв. Что ни народ — свое лицо, своя речь, свой обычай. Как нам, живущим на одной планете, понять друг друга и договориться?

Есть точки пересечения разных, а то и противостоящих интересов человеческих. И две — главные, опорные. Люди любят своих детей совершенно одинаково — и те, что живут среди льдов, и те, над кем полуденное солнце тропиков. Дети — это будущее. Но растить их хочется в условиях безопасности. Само понятие семьи отрицает войну, отрицает убийство. И потому все народы — и большие, и малые — жаждут мира. И еще есть у нас одно безусловно общее, всечеловеческое. У всех народов почитают труженика, мерой труда определяют достоинство — во всяком случае в идеале, а без нравственных идеалов и народа нет. Работник, мастер — значит, с ним можно иметь дело. Так велось и ведется.

Будем дружелюбны, миролюбивы — настанет и будущее. Будем работать мастерски — будем и богаты. Труд и мир — главные условия жизни. Об этом люди знают. Об этом они заявляют в День международной солидарности трудящихся — 1 Мая. Главные принципы сосуществования народов на его лозунгах «Мир, труд, май!»

Потому мы так любим этот праздник. Да будет мир! Да торжествует тот, кто трудится! Об остальном мы договоримся.

КОММУНИСТ И ЕГО ДЕЛО

ТОЛЬКО ПЕРЕЙТИ

**Галина
Иванникова,
председатель
колхоза «1 Мая»
Измалковского
района Липецкой
области.**

В последнее время замечая, люди у нас в колхозе будто выше ростом стали. Даже пожилые — осанистые, взгляд уверенный. Сказала парторгу: — Потолки, что ли, в новых домах высокие? Или по асфальту ходить легче?

А он серьезно так: — Это души у людей распрямляются.

Три года назад, когда отец узнал, что меня избрали председателем соседнего хозяйства, не на шутку забеспокоился: потяну ли? Строгости во мне никакой, но это ладно. «Упрямством возьмет», — пояснил всплеснувшей руками матери. Даже припомнил, как однажды, когда я у него агрономом работала, мне удалось в праздничный день уговорить механизаторов клин досеять. Отцу тогда никакие «громы-молнии» не помогли. А я, как говорится, нашла слова...

Волновало отца то, что предшественник у меня крепкий был (его в район перевели). Хозяйство при нем из отстающих вышло. Значит, разбега у меня никакого не будет. Останется колхоз в развитии или, чего хуже, сделает шаг назад, хоть даже по трижды объективным причинам, — новому председателю не простится. А нынче планы по мясу на квартал такие, как раньше на год были. И симменталки к своему «потолку» подошли: чтобы надои

увеличить, породу надо менять. И все же нет у меня иного выхода, как только превзойти достигнутое, а это непросто. «Да и люди в Пятницком, сама знаешь, — палец в рот не клади!» — напомнил отец.

Тут я рассмеялась: чернавские и пятницкие вот уже более 800 лет стараются не класть друг другу палец в рот. Выходит, теперь и мы с отцом соперники?

К своей самостоятельности я относилась очень ревниво, отцу не просто было посоветовать мне что-то, подсказать. Сейчас советуюсь гораздо чаще: ведь он очень опытный человек. И строг, а люди к нему тянутся. Его школа, конечно же, вошла в меня. Можно даже сказать, с детства: мама работала фельдшером, девать меня некуда было. Заберусь на заднее сиденье — там для меня всегда пряник находился, — так и езжу.

Поначалу самым трудным было «сбросить тень отца». Даже те, кто сам же меня избрал, говорили: «В «России» четыре бригады, так мы будем пятой». В районе председателю «России» хоть не появляйся: всяк интересуется, как там дела в «1 Мая». За мощной фигурой отца меня и не видно было. Хотя мы, как два школьника за одной партой, — каждый свое сочинение пишет, а я еще и промокашкой закрываюсь, чтоб не подглядели. И только когда я, к ужасу отца, «выбросила миллион на дорогу», мою автономию признали.

...Пятницким обидно было: за речкой районные дорожки давно асфальт проложили. Когда же до нас очередь дойдет? Хоть мы и на высоком берегу, а в распутицу ни пройти,

ни проехать. Молоко в соседний район возим — масло по пути сбивается. А тут у нас на банковском счету деньги появились: последние годы колхоз работает с прибылью. Прорех, конечно, хоть отбавляй, но мы решили и на партийном, и на общем собраниях отдать эти деньги на строительство дороги, она нам нужнее всего. Жалко? А то! Я бы сейчас могла двери банка «ногой открывать»: шутка ли — миллион на счету! А так — издали кланяюсь управляющему, здравствуйте... Вдруг кредит понадобится?

Зато 12 километров дороги заасфальтировали. Не знаю, может, и прав отец, когда ворчит, что мы заплатили бешеные деньги за собственную нетерпеливость, ведь рано или поздно проложили бы нам дорогу. А только мы, пятницкие, очень довольны.

Нынче треть работающих в колхозе — молодежь до 30 лет. И проблемы появились, каких раньше здесь не было. На новой улице самое красивое здание — детский сад. Четыре года назад, до меня еще, спорили: нужен ли такой огромный — аж на сорок мест, — если детей не более десятка? А недавно, представьте, пришел сорок первый ребенок! Это из Дагестана молодые супруги приехали, а у них сразу четверо — куда девать? Ну, мы с Риммой, заведующей, нашли временный выход: потеснились и еще одну спаленку оборудовали. Вот только надолго ли нам ее хватит, если в прошлом году пятнадцать детей родилось? Развода, кстати, ни одного. Тут уж и женсовет постарался. А может, и в том причина, что Пятницкое — зона трезвости.

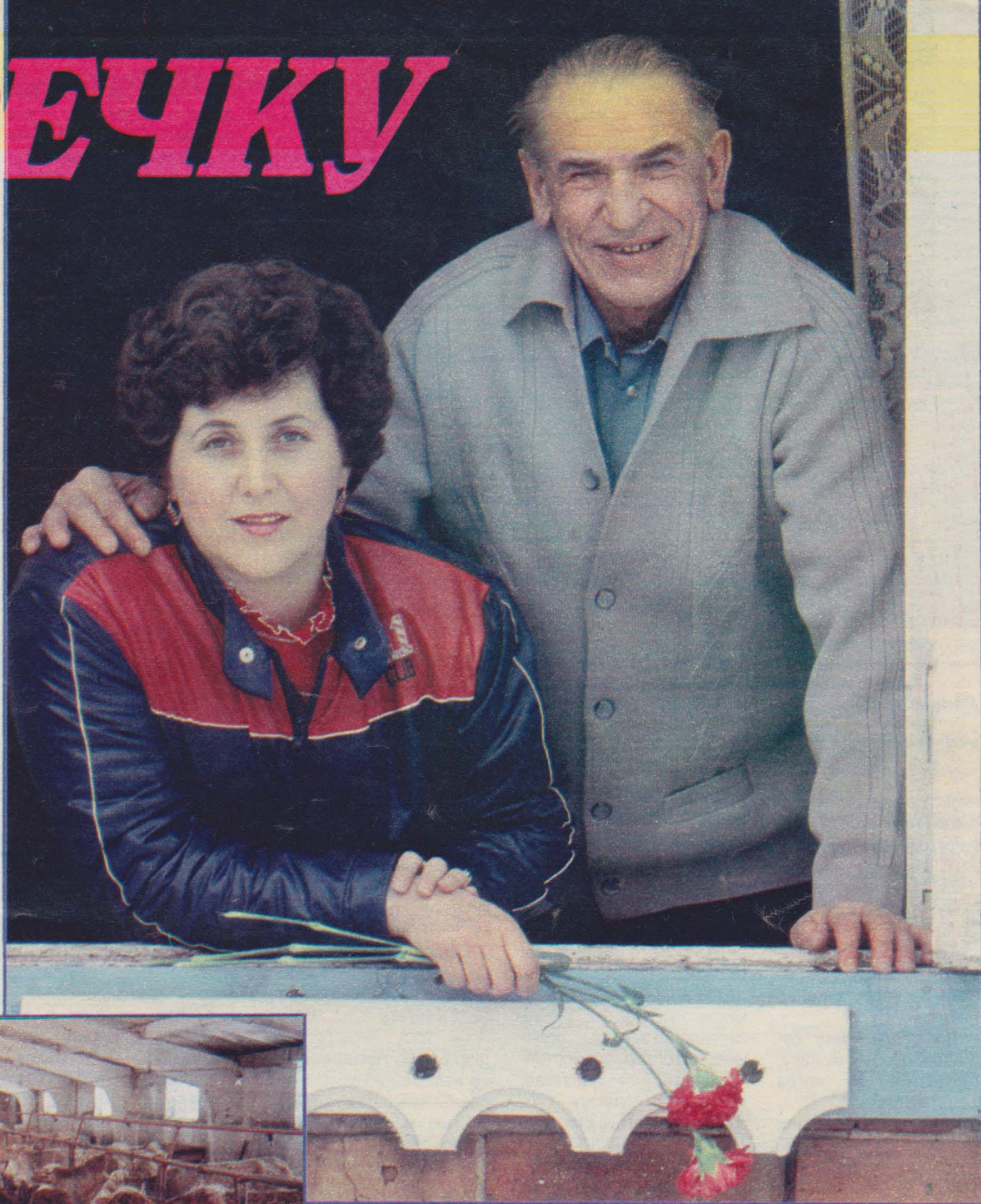

О РЕЧКУ

Это не значит, конечно, что мы всех пьяниц повывели. Есть они у нас, восемь человек, знаем их прекрасно, и выгнать их из колхоза проще простого. Но куда они пойдут? У них же семьи, дети. Да они уж и сами кое-что понимать начали. И мы не отступимся.

Есть и такое: многие парни теперь не торопятся семью создать, все в холостяках гуляют. Подхожу к одному. Механик, скоро тридцать. «Ты что же, Василий? Столько невест, а не женишься». «Да где они?» — тянет. «А Галя?» — «А-а...» «Ну, Оля!» — «Э-э...» «Так, Света!» — «У-у...» «Марина!» — «О-о...»

Поговори с ним! Мой пятиклассник Вовка — и тот, кажется, к девчонкам больше интереса проявляет. Но вольному воля, счастливым быть никого не заставишь. Каждый сам свою дорогу пройти должен. А вообще атмосфера у нас хорошая, на придумки все горазды, и теплота у людей друг к другу есть.

В 1986 году водопровод по селу проводили. Ну, а с Саекином как быть? Вдали от магистрали, четыре дома всего, да и в тех пенсионеры. А эти 500 метров труб так на ферме нужны! Но тут Николай Константинович Матвеевков, механизатор, встал (он член парткома):

— Значит, нашей заслу-

Отец и дочь.

Планерка перед дойкой... Есть немало вопросов, которые хочется задать председателю.

Два старинных села смотрят друг на друга через речку Быстрая Сосна... В одном руководит хозяйством председатель с 33-летним стажем Василий Николаевич Шарандин, делегат III съезда колхозников. А за речкой, в колхозе «1 Мая», председательствует его дочь, Галина Васильевна Иванникова, делегат нынешнего, IV съезда, член Союзного совета колхозов. Председателем был и ее дед. Такая вот председательская династия.

Отец и дочь — это не только два поколения, но и два стиля руководства коллективом. После института Галина работала у отца агрономом. Василий Николаевич — человек уважаемый, уже многие годы его хозяйство прибыльное. Он славится справедливым характером, хотя и строг. Галина Васильевна «берет» мягкостью, ищет особый подход к людям...

Галина Иванникова давно дружит с Марионой Лялене, главным зоотехником литовского колхоза «Грижува». Теперь они будут видаться чаще: на съезде колхозников обе избраны в состав Союзного совета колхозов.

женной колхознице, старенькой Анисимовой Марии Григорьевне по-прежнему с ведрами ходить? И бывшему трактористу Егорову? Как же можно их оставлять?

— Ты-то чего волнуешься? — говорят ему. — На тебе же водопровод не кончается.

— Да стыдно мне будет, здоровому мужику, пользоваться им, когда старики маются...

Провели мы водопровод на Саекино. Уж и не знаю, кто был более счастлив — Николай Константинович или пенсионеры, получившие воду. То был и мне урок доброты и справедливости, преподанный рядовым коммунистом.

Недавно за вечерним чаем отец расшумелся:

— Ты мне людей портишь! Чуть что — за речку грозятся уйти! Там, говорят, председатель деликатный, а я для них, видите ли, жесткий.

Я, и правда, все больше прошу, предлагаю, советуюсь, а не требую. Тут вот один механизатор даже выговаривал:

— Вы бы с нами построже. А то думаешь: выполнять работу или, может, отложить пока?

Да не буду я с вами,

Николай Егорович, построже, не надейтесь. И приказывать не буду. Я хочу, чтоб вы сами над собой командиром были. Только тогда я положиться на вас могу. И для дела этим большего добьемся.

Вот и на съезде колхозников именно эта мысль звучала во всех выступлениях: только самостоятельность, инициатива, творчество «снизу» способны по-настоящему раскрыть потенциал наших коллективных хозяйств. И принципиальные положения Закона о кооперации направлены на реальное обеспечение права крестьянина на подлинно хозяйскую работу. И перестройка, в которой мы с вами, Николай Егорович, участвуем, на то и свершается, чтобы максимально высвободить нашу активность.

Мы учимся пользоваться своим крестьянским, хозяйским правом.

...В конце 1986-го уточняли структуру посевных площадей. Рассчитали, что можно с 420 гектаров получить урожай сахарной свеклы, «спущенный» нам на 450 гектаров. А на остальных вырастить более урожайную и так нам

нужную кормовую свеклу. Ведь у нас поголовье коров растет, а каждый клочок земли давно на учете. Хозяйство зажато оврагами, выпасов практически нет. Ни в овраг Медвежий скот не погонишь, ни в Глубокий, ни в Старикову лошину. И Цыганское тырло — неудобье, практически бесполезно. А тут — 30 гектаров пахоты!

Поехал Валерий Петрович Ходыкин, главный агроном, порадовать своего коллегу в РАПО. А у того «контрольные цифры» по гектарам, и он не намерен из-за нас прослыть неисполнительным. Раньше в таких случаях председатель почешет в затылке, повздыхает да и отступит. Или идет на криминал: у дороги засеет, как скажут, а дальше, как сочтет нужным. И что бы ни выросло, пожинает «липу».

Мы выбрали иной путь. Вынесли свои расчеты на правление, обсудили, проголосовали и честно сообщили о своем решении в РАПО. И никто нам не посмел возразить! План по продаже сахарной свеклы мы перевыполнили.

Случалось, и меня правление, а то и партком поправляли, если была не права. «Застряла» у нас небольшая овцеферма. В свое время овец не взяли в специализированное хозяйство, потом, как водится, забыли. И такой

эта ферма казалась мне не нужной! Колхозу от нее — одни убытки. Выдворить на хлебницу, и чем скорее, тем лучше. Уже с районом договорилась. А овцеводы воспротивились. Они любили свою работу и выполняли ее хорошо, — насколько условия позволяли. А условия там были тяжелые. Пришлось реконструкцию проводить. И новое родильное отделение строить. Не лежала душа, а что делать? Так решило правление. Защитники у фермы уж больно речистые нашлись — сами овцеводы. «Вы нам только стены поставьте да шиферу выделите, всю работу сами сделаем», — говорил Алексей Гаврилович Скрипкин, чабан. И действительно, затраты оказались невелики, но как приятно теперь на этой ферме бывать! Люди довольны, работают красиво. Думаем перевести ферму на семейный подряд.

Когда человек чувствует свою включенность в общее дело, он и трудится соответственно. Включенная лампочка света не дает. Некоторые, правда, в сторонке горят. Только круг для себя, даже и яркий, кругом и ограничен. Выйди за него — темно...

Кстати, учудили в эту зиму наши доярки. Захожу на МТФ — что такое? В коровниках темно, свет еле-еле из дальнего угла пробивается, калорифер выключен. «Экономим, — поясняют Мария Ходыкина и Александра Анисимова, доярки-четыредесятницы, гордость наша и вечные соперницы. — Мы же теперь на самофинансировании». Пришлось профкому вмешаться — ведь на здоровье начали экономить! Ох, как тут важно золотую серединку найти! Чоб от скупости расточительным не стать. Сказать по правде, мне, хозяйственнику, труднее было бы, если бы не помощь коммунистов.

А тут иду как-то на работу, слышу:

— Ты опять свет не выключила?

Это Мария Куприянова Анисимова, свекловичница недавняя, а теперь пенсионерка, ветеран пар-

тии, свою соседку приструнивает: поленилась на улицу выскочить, выключатель повернуть (мы каждый столб с лампочкой за ближним домом закрепили)... Мария Куприянова порядок любит. И не таится, в глаза говорит. Ее за то и в ревизионную комиссию избрали. Впрочем, сейчас все у нас говорить умеют. Когда говорят, не страшно. Страшно, когда шепчут.

Сколько раз замечала: иду, бывало, а за мной шепоток, что дымок, следом вьется: «Ей что! У нее проторенная дорога. Председательская дочка!» А у дочки такая же дорога. Трудная. И так же палец болит, если обрешься. И обида такая же, когда поступают несправедливо. Но обидя не таю. Люди не виноваты в том, что на душевное тепло скупы бывают. Знает, где-то его недополучили сами. И от меня в том числе.

Но доброта добротой, а строгость тоже нужна. Вот с несунями на ферме практически справились. Сделали так, что «нести» не надо. Ведь почему раньше животновод нетнет да и прихватит, уходя с работы, корзинку silosa? Потому что дома скотину кормить нечем. Галя Лобова, молодая наша доярочка, и пришла с предложением закрепить за животноводами поделанке свеклы. У нас же какая проблема с обработкой посевов! На ферме двухсменка, и дети на каникулах. С гектаром-другим вполне справиться можно. И колхозу помощь, и людям выгода.

Инициатива молодого коммуниста оказалась нам интересной. Мы пошли на это. Вырастишь больше планового урожая — десять процентов твои. Галя 4,5 тонны свеклы получила за 445 центнеров, выращенных на «своем» гектаре. Александр Дмитриевич Полосин, скотник, партгрупорг фермы, привез на подворье девять тонн: он два гектара свеклы обрабатывал.

(Окончание на стр. 26.)

Служба Надежды

ОТ РЕДАКЦИИ. Наша служба действует пятый месяц. Около 40 тысяч писем с пометкой на конверте «Служба надежды» пришло от желающих работать на селе, вести свой дом, заниматься приусадебным хозяйством, найти личное счастье. С каждым днем увеличивается и число писем от руководителей колхозов и совхозов, и в этом номере мы вновь публикуем такие письма. Но ввели и новую практику: в ответ на заявку мы высылаем несколько писем от читателей, если, на наш взгляд, им подходят условия труда и быта в том хозяйстве, из которого поступила заявка. Так что если письмо или заявка не опубликованы в разделе «Служба надежды», то это не значит, что люди обращаются к нам зря. Редакция помогает установить прямую связь: читатель со своими надеждами — руководитель хозяйства со своими возможностями. Рассчитываем, что такая непосредственная связь окажется деловой и принесет реальную пользу.

Прежде, чем перейти к «адресам надежды», хотелось бы напомнить тем, кому «Служба» помогла: напишите нам о том, как складывается ваша жизнь на новом месте, как вас приняли, как устроили, какие надежды уже сбылись. И не умалчивайте о трудностях. А если пригласите в гости — приедем!

Начнем с писем от «неофициальных» лиц:

«Пишут вам ребята, отслужившие в Советской Армии. Хотим поделиться своими трудностями...»

Примерно так начинаются два письма.

Трудности в селе Яковцево Вачского района Горьковской области (почтовый индекс 606155) такие же, как и в селе Крыжановка Чебаркульского района Челябинской области (индекс 456411):

некому работать на фермах, некому жить в пустующих домах, танцевать в пустующих клубах. И создать молодую семью не с кем. Ребята просят девушекек, «не боящихся трудностей деревенской жизни», написать им: в Челябинскую область — «парням села Крыжановка», в Горьковскую — в комитет комсомола колхоза «Яковцевский».

Еще одно личное письмо.

«У нас село хорошее, рядом лес, на берегу реки Тобол. Работы много, но очень не хватает девушекек и женщин. Вот и холостякуем... Мне уже 35 лет, считай, половина жизни прошла, а все один, хотя и дом есть, и материально обеспечен. Не могу найти себе подругу жизни. Пусть приезжают, можно и с детьми, отказываться не будем, еще лучше встретим, как родных, им здесь будет хорошо, все для этого есть.

Мой адрес: 626114, Тюменская область, Тобольский район, с. Дегтярево, ул. Новая, 2. ЖЕМБАЕВ Шамиль Алексеевич».

ТЕПЕРЬ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРИГЛАШЕНИЯ.

«Колхоз «Вперед» при-

глашает животноводов и механизаторов. Имеются свободные квартиры. Есть клуб, медпункт, начальная школа. Деревня интернациональная, проживают татары, башкиры, русские, всего 32 семьи. Места живописные: поля, луга, лес, речка, озера. **Адрес: 452380, Башкирская АССР, с. Аскино, правление колхоза».**

«Нужны люди всех специальностей. Строим жилье, имеются пустующие квартиры. Есть возможность устроить семейную жизнь, десять отслуживших в армии парней вернулись в колхоз. Работает Дом культуры, есть медпункт, две школы, две библиотеки, три магазина, служба быта. У нас замечательный микроклимат, чистый воздух.

Пишите по адресу: 243255, Брянская область, Стародубский район, п/о Пестриково, колхоз «Восход», ТКАЧЕВУ Петру Федоровичу».

«Требуются доярки, механизаторы, шоферы. Бытовые и культурные условия хорошие, месячный заработок в 1987 году вместе с доплатой за стаж и сверхплановую продукцию составил: у доярок — 338 руб., у механизаторов — 325 руб., у скотников — 270 руб. Имеем 5 двух- и трехкомнатных квартир, строительство продолжается.

Адрес: 393582, Тамбовская область, Мучкапский район, п/о Новосельцы, колхоз имени Мичурина».

«Пишу с надеждой, что письмо будет опубликовано. Дело в том, что в нашем колхозе не хватает рабочих рук как в животноводстве, так и в поле-

водстве. Но особенно плохое положение с женскими кадрами. Знаю, что многие девушки согласны поехать в деревню и устроить жизнь в селе, а у нас как раз много парней не могут жениться из-за отсутствия невест.

Немного о хозяйстве. Расположен колхоз в 120 км от областного центра, в 45 км от райцентра. Места у нас красивые. Имеются клуб, детский сад, столовая, баня, комплексный приемный пункт, восьмилетняя школа, магазин, медпункт. Для молодежи оборудована и действует дискотека (одна из лучших в районе). Ведем жилищное строительство, имеется несколько свободных квартир. Конечно, есть и трудности, но вполне разрешимые.

Желающих прошу писать по адресу: 461456, Оренбургская область, Шарлыкский район, с. Парадево, колхоз имени Крупской.

С уважением, председатель колхоза КУЛЕШОВ Михаил Кузьмич».

«Наш колхоз очень нуждается в рабочих руках, особенно не хватает операторов машинного доения. Нам также нужны парикмахер, закройщица, швеи.

Условия хорошие: есть Дом культуры, столовая, детский сад, средняя школа, комплексный приемный пункт. На работу животноводов возят на автобусе. Колхоз строит кооперативные дома, на постройку дается ссуда.

Но вот девушки на селе не остаются, все уезжают, кто на учебу, а кто просто в город, и поэтому у нас одни ребята, а их, неженатых, 29 парней различных специальностей. Возраст от 21 года до 27 лет.

Желающих просим написать по адресу: 461161, Оренбургская область, Красногвардейский район, с. Преображенка, колхоз «Правда».

«Наш Каракулинский район обеспечен кадрами.

наверное, хуже всех в республике. Поэтому и пишу вам с большой надеждой, что вы поможете. Наше село Вятское расположено на берегу красавицы реки Камы. Проживает около 1000 человек населения. Имеем клуб, детский сад, среднюю школу со спортзалом, теплицей, тиром и школьным музеем, магазины, медпункт.

В 1990 году начинаем строительство благоустроенного поселка на 40 квартир. Так что перспективы в хозяйстве есть, но не хватает рабочих рук, особенно женских. В животноводстве работают женщины в основном предпенсионного возраста. Много холостых парней в возрасте от 22 до 30 лет.

Сейчас имеем несколько свободных квартир и общежитие. Поэтому готовы принять 5 телятниц, 10 доярок, 4 свинарок, 6 овцеводов, 10 механизаторов, 3 культработников, 2 продавцов, библиотекаря, 4 поваров, 15 полеводов, которые будут работать в зимнее время в цехе от обувной или швейной фабрик г. Сарпула.

Всем желающим мы выделяем коров и поросят, фураж и сенокосные участки.

Тем, кто в возрасте от 17 до 30 лет работает в животноводстве, выплачиваем доплату от 10 до 20 процентов к основному заработку. Молодоженам выдаем бесплатно нетель для обзаведения хозяйством, а ребятам, служащим в армии, перечисляем на сберкнижку ежемесячно по 50 рублей. Для семей, желающих строиться, выделяем ссуду, которую при рождении третьего ребенка погашаем на 1000 рублей, а при рождении четвертого — еще на 2000 рублей. Если найдутся желающие приехать к нам в колхоз, будем очень рады.

Адрес: 427921, Удмуртская АССР, Каракулинский район, с. Вятское, правление колхоза «Гигант».

Как тебе
служится?

Мам

Когда он уехал, время как будто остановилось. Дни стали длинными, недели тянулись, как годы, месяцам не было конца. Но самыми бесконечными были ночи, когда, внезапно проснувшись от неясной тревоги, уже до утра мать не могла найти себе места. Особенно если долго не было писем.

Сын служит в армии. И, значит, все мысли о нем. Как он там, в казарме, после домашнего уюта? Здоров ли? Что за командир? Какие товарищи рядом? Чем кормят? Сладкого, небось, не дают, а он привык. И сколько ни просит, чтобы писал подробнее, в письмах все те же строчки: жив-здоров, все хорошо, служба идет нормально, не волнуйся.

Анне Яковлевне Мартыненко не привыкать к ожиданиям: невестой ждала из армии будущего мужа, Ивана Андреевича, потом старшего сына, Геннадия, а теперь вот осталось совсем немножко и вернется домой младшенький, Витя. Как и брат, вернется он в воронежское село Новобелая — это родина отца с матерью и его родина, где ж еще жить, как не здесь.

Счастливой была Анна Яковлевна — ведь ехала в Москву на слет солдатских матерей и думала: хорошо, если удастся повидаться с сыном. Удалось! Сказали командиры о Вите и его друзьях добрые слова, а потом: «Получите, мамы, отпускные билеты ваших сыновей. Пусть будет им наградой за отличную службу отдых в родительском доме».

А вот Лилия Ивановна Ларина точно знала, что с Сашей не повидается: он служит на Северном флоте и сообщил, что их подводная лодка уходит в долгое плавание. И все-таки она его увидела. Пусть только на фотографии, но все-таки...

— Вот сыночка своего нашла, — обернулась она к нам, радостная, взволнованная. Погладила ладонью карточку и попросила: — Снимите меня с ним... Это у нас первая разлука, раньше больше, чем на месяц, не расставались. Теперь остается только в отпуск ждать. За восемь месяцев тридцать пять

писем прислал. Правда, девочке своей, которая его ждет, еще больше — сто одиннадцать.

...С первых дней жизни сына мать была его защитницей. Своей бескорыстной нерассуждающей любовью она защищала его от болезней, от обид, от разочарований. Но сын вырос, и теперь он ее защитник. Сильный и смелый, он стал для нее опорой. И не только для нее одной — для Родины. И «с другими со всеми, неокрепший еще, под тяжелое Время он подставил плечо».

Взрослеют мальчики и принимают на себя первый долг мужчины — защищать все, что любим и свято: мать, Отечество, родную землю.

Матери рожают сыновей не для войны, а для непрерывности жизни. Чтобы вместе с ними повторить ее и повториться в них и в их детях.

Матери рожают сыновей, чтобы мир пребывал вечно.

И каждой хочется видеть в руках сына цветы, а не оружие. Хочется, чтобы катил он детскую коляску, а не бежал в атаку. Чтобы вскапывал огород, а не рыл окопы. Но пока существуют на свете вражда и недоверие, надо охранять жизнь. Для этого и призывает Родина своих сыновей.

Сын служит в Афганистане... После этих слов ничего больше объяснять не надо. Их достаточно, чтобы понять, сколько душевной силы

и мужества требует эта служба от материнского сердца.

На слете ребятам, вернувшимся из Афганистана, вручали награды. Спустившись со сцены, они смущенно чмокали своих разволновавшихся мам и отдавали им красные коробочки...

Мамы взрастили их храбрыми, совестливыми и человечными. Настоящими людьми, которыми можно гордиться.

Вот так они встретились, мамы и сыновья:

● Лилия Ивановна Ларина увидела Сашу.

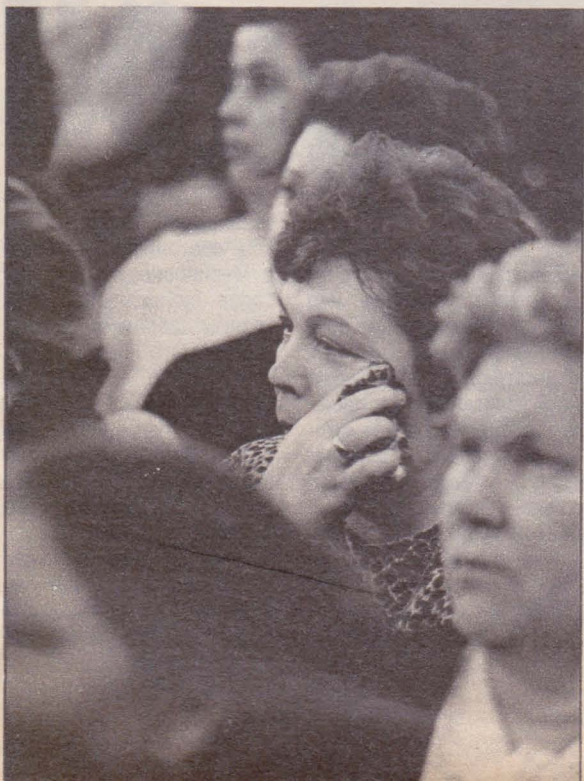
● Анна Александровна Сиверцова прижалась к крепкому плечу Олега.

● Анна Яковлевна Мартыненко не могла наговориться с Витей.

● И никто в зале не стыдился своих слез.

ЖЕНЬКИ СЫНЬКИ

«В своей домашней кофточке, в косыночке горошками, седая, долгожданная, меня встречает мать», — пелось в послевоенной песне. Женщины в Колонном зале Дома союзов, где проходил слет, были совсем другие — молодые, нарядные, современные. Но что от этого менялось?

Ведущий, проходя по залу, спрашивал у некоторых из них, где служит сын. В ответ звучали названия военных округов и флотов. Евгения Васильевна Липатова сказала: «Афганистан». Могла ли она подумать, что через минуту в зале прозвучит: «Встречайте, мамы, своих сыновей!»

Тем, кто подзабыл, что такое счастье, хорошо бы увидеть эту встречу.

Игорь Липатов узнал об отпуске за день до отъезда.

— И представляете, что он сказал? Не поеду — мама с ума сойдет. — Евгения Васильевна смеется, крепко вытирает глаза и прижимается щекой к сердцу сына, к маленькому серебристому диску с надписью «За отвагу».

Она уводит его домой, в детство. И ясно, что сегодня, впервые за много месяцев, будет спать спокойно. А если и не сомкнет глаз, то это будет совсем другая бессонница.

Матери сегодняшних солдат — это дочери вои-

нов, вернувшихся и не вернувшихся с войны.

Это дочери солдаток, получившие в наследство умение терпеливо ждать, стойко переносить страдания и тревоги.

Это дети Победы. Для многих она осталась в памяти зыбко-радостным мгновением детства. Но и тем, кто родился до нее, и тем, кто родился после, Победа, как мать, даровала жизнь.

И если они чего и хотят для своих сыновей, так это праздновать единственный День Победы — победы в прошлой, последней войне.

Анжела МХИТАРЯН
Фото В. КУРАШЕВА.

Поссорились СТЕПАНОВКА

Жители Мариновки решили выйти из колхоза и создать свой, с центральной усадьбой в своей деревне, выбрать своего председателя. И вот что из этого получилось.

С МАРИНОВКОЙ

Возбужденные лица кричащих людей, не слышащих друг друга и уже, кажется, самих себя, гневные голоса, резкие недобрые жесты — все не оставляло сомнения в том, что здесь случилась беда. Я был заранее готов к спору, самому острому, пусть даже конфликту, но накал страстей явно превышал разумные пределы. Хотя сама суть дела требовала прежде всего подхода именно разумного. Однако пожинались плоды не нынешнего урожая...

Село Мариновка и несколько близлежащих более мелких, образующих колхоз имени Федоренко, в 1959 году объединились с селами, входившими тогда в более слабый колхоз «Перемога», главное из которых — Степановка.

Так образовалось новое укрупненное хозяйство — имени XXI съезда КПСС. За прошедшие почти три десятка лет многое изменилось, и, естественно, в лучшую сторону. Колхоз стал крепче, богаче, повысились производительность труда и материальное благосостояние самих колхозников. Одна-

ко вот уже более года те из членов хозяйства, что живут в Мариновке, просят, настаивают, требуют отделиться от Степановки и восстановить в прежних пределах колхоз имени Федоренко. Обращались в районные, областные партийные, советские и хозяйственные органы, в ЦК Компартии Украины, прислали своих представителей в Москву. Чем же объясняют

сами колхозники такую странность? Прошлым летом состоялось собрание в Мариновке, считавшееся официальным колхозным собранием, правомочным что-либо решать, руководство хозяйства отказывается, так как действительно при его подготовке и проведении были соблюдены не все нормы, предусмотренные Уставом колхоза. То собрание, скорее похожее на митинг, что шумело в связи с моим приездом в Мариновку, своей сти-

хийностью и вообще мало претендует на официальную роль, несмотря на то, что там присутствовали представители районного и областного руководства. Но чем это ни считать — собранием, сходом, митингом, хоть посиделками, — суть высказанных людьми претензий не изменится. Эти претензии высказаны в их письме в «Крестьянку»:

«Всё, что мы производим, идет на благоустройство Степановки. Там построили школу, торговый центр, клуб, радиомагазин, хлебный и хозяйственный магазины, Дом быта, административное здание, детсад, смешанный магазин, узел связи, аптеку, амбулаторию, ветбольницу, 22 жилых дома, детский городок сказок, покрыли асфальтом 11 улиц и переулков, заасфальтировали площадь, насадили роз, подвели орошение. Построили гараж, два свинарника, четыре птичника, животноводческий комплекс, бригадный двор с конюшней, столовую — центральная усадьба выглядит городом. А в наших населенных пунктах построено за это время всего четыре животноводческих помещения и Дом быта в 10 раз дешевле степановского. Фактически все остальные постройки у нас временные, стоят без внимания, нуждаются в ремонте. Разве это справедливо?»

И в заключение письма просьба помочь жителям Мариновки выйти из колхоза и создать свой, с центральной усадьбой в своей деревне, со своим председателем.

Когда эти строки начал читать первый секретарь РК КПУ А. Ф. Плаксин, то первой его реакцией было удивление:

— Что ж тут плохого, когда столько понатастроили, все же для людей делалось!

А если бы мы считали, что для колхоза лучше разделиться, то с чего бы сопротивлялись? Действительно, в Степановке сделано очень

много, и это естественно — центральная усадьба. Ну и как может такое крупное село без магазинов и детского сада? Что же касается Мариновки, так надо подходить честно и объективно, ну не могли мы построить школы и магазины везде. Но уже в этом году там возводим 3 новых дома, магазин ремонтируем, перекрываем школу. Дорогу заасфальтировали. А они поднимают вопрос — почему остальные не асфальтируете? Всему свое время. Главное — надо работать как следует, тогда за счет колхоза все можно будет сделать. Но смотрите, кто поднимает вопрос о разделении? И разве могут раздробленные хозяйства справиться с поставленными задачами в наше время? Но все же мы не говорим категорически «нет». Пусть нам дадут экономические расчеты, докажут целесообразность разделения, мы со специалистами все внимательно изучим. А действия колхозников в Мариновке стихийны, мы за демократию, но это не значит, что она должна быть неуправляемой, иначе мы такую демократию завернем, что все захотят делиться, кто как пожелает! Нужно соблюдать правила. Сначала обратиться в правление. И так далее, по цепочке, согласно Уставу. Еще раз подчеркиваю, у нас нет принципиальных возражений против разделения колхоза, но любое решение должно быть обоснованным и продуманным, а там пока в основном одна критика и подтасовка фактов.

Так что же получается? От кого ждет райком «обоснованных и продуманных действий»? И как долго намерен ждать? И кто, наконец, возьмется учить колхозников «правильной демократии», если они своего права — законного права хорошо работать и на заработанное хорошо жить — добиваются неправильно? Я вынужден вернуться к фразе первого секретаря:

«Посмотрите, кто поднимает вопрос о разделении», иначе для читателя многое останется непонятным. Дело в том, что в районе мне постоянно доводилось слышать фразу: «Они все там в Мариновке родственники да кумовья, воду мутят 2—3 фамилии, главный — Замковой».

Ну, что касается 2—3 фамилий, это неправда, фамилий в подписанных колхозниками различных бумагах более чем достаточно. Так что ссылка на семейственность в делах Мариновки слабовата. А вот с В. В. Замковым сложнее. Это именно он был председателем колхоза имени Федоренко и стал председателем нового хозяйства после объединения. А через четыре года перестал им быть. Почему это произошло, у нас сейчас разбираться нет возможности, даже у нынешнего районного руководства за давностью лет не имеется единой версии, но факт остается фактом, в дальнейшем Василий Васильевич сменил множество должностей и мест работы, в село вернулся относительно недавно и вот теперь действительно, если можно так выразиться, «возглавляет движение». Он автор большинства подписанных колхозниками писем и заявлений. Так что фраза: «Это все Замковой народ подбивает» внешне звучит достаточно убедительно. Внешне!

В одной из книг по истории края я нашел такие строки: «Осталось неизвестным, когда были основаны села Степановка и Мариновка. Упоминания о них в архивах относятся к 1802 году. Тогда в Степановке было 45 дворов и 373 жителя, в Мариновке 35 дворов и 250 жителей». Так что не одно столетие жили рядом два этих села, многие радости и многие беды были у них общими. Вместе провожали женщины на войну своих мужей, вместе плакали над похоронками. Вместе полной мерой хлебнули военного лиха.

Работали потом до изнеможения, восстановили хозяйство, преодолели го-

лод и разруху, но никогда не было тени распри между Мариновкой и Степановкой. Объединялись совершенно добровольно, надеялись, что вместе дела пойдут лучше, да так оно на самом деле и получилось, все показатели у единого нового хозяйства довольно быстро стали улучшаться. Но Степановка лежит ближе к основным проезжим путям. И она стала центральной усадьбой. И ее принялись превращать в образцовое село.

Можно сколько угодно упрекать мариновских, что они передергивают факты, ловить их на неточностях, но суть дела от этого не меняется. Стоит посреди Степановки отличное двухэтажное здание правления самой современной архитектуры. Что, не имеет на него права крупный колхоз? Полнейшее. Я по стране и гораздо более роскошные дворцы видел, которые ни у кого ничего, кроме гордости, не вызывают. Но в Мариновке тем временем ветшает сарай, который даже назвать клубом трудно.

Поднимается прекрасный сказочный городок возле детского сада в Степановке. Кто может слово сказать против? Все для детей, святое дело. Но при этом в Мариновке дети зимой мерзнут в разваливающихся помещениях. Прекрасно, что есть цветники с искусственным орошением в Степановке. Но разрушается последний колодец в Мариновке.

А ведь это единое хозяйство! И сейчас реальность такова, что произошло самое страшное, — я это слово не все употребляю, действительно страшно, когда люди в Мариновке озлобились до того, что «степановский» звучит в их устах как ругательство. Соответственно при таком отношении и степановские в долгу не остаются. Возникла настоящая вражда между двумя частями одного колхоза, между людьми, которые не только не могут успешно совместно трудиться, но порой и просто спокойно слышать друг о друге не в состоянии. Из-за чего?

Из-за нарушения демократии, справедливости.

Человеческие взаимоотношения не менее важный фактор, чем любые экономические. И вот таким бесспорно существующим сейчас фактором является то, что мариновские не желают сосуществовать в одном хозяйстве со степановскими.

«Да, — вынужденно и нехотя признаются в районе, — действительно, имел место некоторый перекос с организацией социально-бытовой сферы в сторону Степановки». Так исправляйте! «Но это не наши ошибки, общая политика такая была, да и хотелось побыстрее и побольше для людей сделать, не распылять силы». Конечно, концентрация сил и средств часто бывает оправданной и действенной. Ведь исходить приходится из реальных возможностей. Но именно эти возможности и несут зачатки конфликта.

Те условия жизни, которые имеют сейчас жители Степановки, создавались десятилетиями, и следовательно, не на годы, а на десятилетия все откладывалось для Мариновки. И это, может быть, когда-нибудь после, для истории, значения иметь не будет, где там чуть раньше, где чуть позднее асфальтированные дороги появились. А для конкретного человека это жизнь или по крайней мере большая часть ее, которую он прошлепал по непролазной грязи, в то время как сосед наслаждался созерцанием цветников. И наступает момент, когда человек ждать больше не хочет, а желает действовать. И если в такой момент рядом появляется В. В. Замковой, который предлагает конкретную программу этих действий, то за ним идут. Потому что его можно в чем угодно упрекать и любые сомнения в его адрес высказывать, но ведь, кроме него, никто никакой программы не предложил, за которой люди увидели бы нечто реальное! А теперь в руках у Василия Васильевича сила, от которой трудно отмахнуться. Это

БУКЕТ ДЛЯ СВЕКРОВИ

Когда мы поженились, каждому из нас было чуть больше двадцати. Я, конечно, слышала, какие бывают свекрови, и побаивалась. Но мужа очень любила, и потому его родителей приняла сразу. Жили мы вначале вместе, одним домом, одним столом. И вот бывало, особенно в начале нашей семейной жизни, приготовлю что-то неудачно, а свекровь мне: ничего, доченька, давай быстренько снова сготовим. Все у нее спорилось, все выходило быстро и ладно. А она делает и приговаривает, словно вслух рассуждает: что надо положить в кастрюлю сначала, что потом, когда посолить, сколько масла, сколько сахару. Это она меня так учила, но незаметно как-то и не обидно. А я помогала ей и старалась все запоминать. Мужчины придут с работы, сядут ужинать — и нахваливают, особенно муж (свекор-то на слова скуп). А свекровь обязательно скажет: это она, дочка, постаралась, я то есть.

Когда мы получили квартиру и стали жить отдельно, я поняла: уроки свекрови не пропали даром. Я уверенно повела наш семейный корабль, и, кажется, хозяйка получилась из меня неплохая. Мы часто навещаем родителей мужа, я обязательно советуюсь со свекровью, держу в курсе наших домашних дел — ей это нравится. Со временем она поняла, что ее сын в «надежных руках», окружен лаской и заботой, ухожен и накормлен, а ведь вначале ей так не хотелось отпускать его из родного гнезда...

Пришла беда — у меня умерла мама. Я долгое время не могла называть свекровь этим именем. Она ни словом, ни жестом не выразила своего недовольствия. Терпеливо ждала. Недаром говорится: время лечит, и хоть, конечно, я не забыла маму, но боль утраты постепенно стала стихать, и как-то неожиданно, даже для себя, я обратилась к свекрови: мама. И видели бы вы, как она обрадовалась, как засуетилась, обняла меня, и мы вместе с ней поплакали... С тех пор вот уже 16 лет нет для меня человека дороже свекрови, второй мамы! С мужем живем хорошо, у нас много друзей, и их дети — наши дети. А своих нет, из-за моей болезни. И это самое большое наше горе. От мужа никогда не слышала слова упрека. И это тоже во многом заслуга свекрови. Огромное ей спасибо за сына, за то, что его, единственного, живя в достатке, не избаловала, к труду приучила, воспитала добрым, отзывчивым человеком. Мы обе теперь гордимся им, две любимые и любящие женщины.

На 8 Марта и в день рождения я всегда дарю ей живые цветы, а день рождения у нее в декабре. В холодный месяц родилась моя свекровь, Анастасия Михайловна Ткаченко, но с горячим и любящим сердцем. Земной ей поклон от невестки — от дочери! — за все, что она для меня сделала.

А. ТКАЧЕНКО

Северский район,
Краснодарский край.

пятнадцать заявлений в колхоз. Да, Замковой объявил прием в несуществующий колхоз имени Федоренко, и уже пятнадцать молодых ребят с нужнейшими в хозяйстве специальностями, работающие сейчас на стороне, написали заявления с просьбой о приеме, но при условии, что Мариновку отделият от Степановки. И заявления продолжают поступать.

Действительно, и нынешнему председателю колхоза А. В. Киселеву, и районному агропрому, и райкому партии приходится сейчас распутывать клубок, не ими и давно запутанный. Но требуется прежде всего правильно проанализировать ситуацию не для того, чтобы устремиться на поиски тех, кого еще можно наказать. Главное — извлечь урок, сделать необходимые выводы и разработать конкретный план действий. Да, загнали себя в положение труднейшее, сами загнали, за долгие годы, и не Замковой тут виноват, не 2—3 «вредные» фамилии. Я прямо спросил А. В. Киселева: «Как вы собираетесь дальше вести хозяйство в ситуации, когда больше трети колхозников так настроены по отношению к остальным, да и к руководству тоже?» И председатель так же прямо ответил мне: «Не знаю». Дело в том, что диспропорция в развитии колхоза проявилась не только в социальной сфере, но и в производственной.

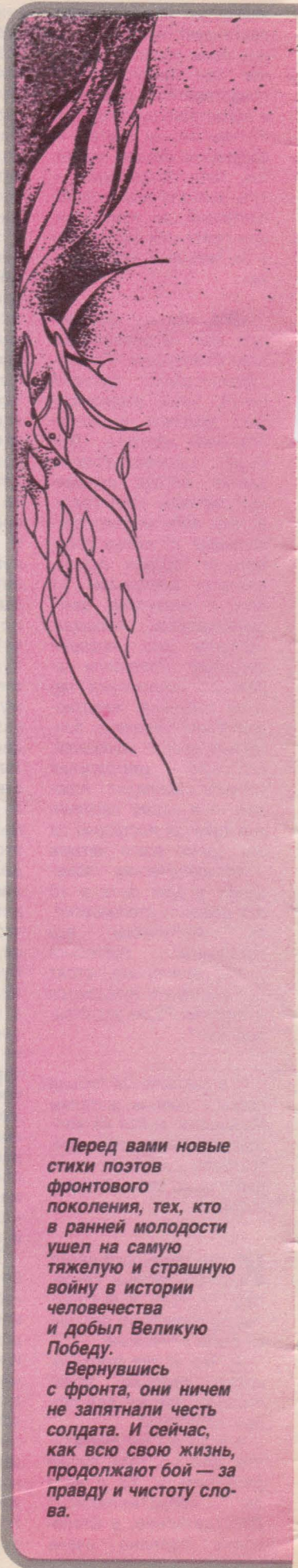
Что же, безвыходная ситуация? Разделить хозяйство сегодня — значит нанести ему экономический урон. Не разделять? А как убедить людей? Не удастся. Уже не удалось. Надавить, заставить? Не годится! Так что же все-таки делать? Во-первых, наверное, внимательно выслушать всех, с самыми разными точками зрения. Во-вторых, не надеяться, что все утрясется само собой при помощи общего колхозного собрания, решение которого для мариновских никакого авторитета не имеет, так как на нем большинство голосов обеспечено степановскими. Колхозное и районное руко-

водства, без мелочных пререканий по частностям, должны признать открыто и откровенно, что ошибка была совершена. И предложить конкретный план действий, исходящий не из некоей общей целесообразности, а из нынешнего положения вещей.

Для начала, возможно, стоит создать на основе Мариновки и прилегающих деревень хозрасчетное отделение с правом самостоятельного решения многих основных вопросов — от структуры производства до использования полученной прибыли. Это даст возможность в обговоренные с колхозниками сроки проверить, смогут ли они выполнить обещанное. (Сами мариновские в своем заявлении утверждают, что с первого же года «перекроем своих соседей по валовому производству и себестоимости продукции, а по строительству соцкультбыта и хозяйственных построек за 8—10 лет».) И тогда создать экономическую базу для полного раздела и к тому же подготовить опытные руководящие кадры. А возможно, результат докажет нереальность идеи разделения, но докажет не словами, которым никто не верит, а конкретными фактами, от которых трудно будет отвернуться. Могут быть и другие варианты. Главное — действовать, а не кивать многозначительно на указания прошлых лет и в тех ошибках искать оправдания сегодняшней пассивности. Мы ничего не исправим и не сделаем, если будем пытаться воздействовать на возникающие сегодня ситуации вчерашними методами, надеясь, что все само по себе образуется, только стоит потянуть подольше и не принимать никаких принципиальных решений. Это нелепо, что по вопросу, который никого не должен оставить равнодушным, план действий оказался только у шестидесятилетнего бывшего председателя, все же остальное является **планом бездействия!**

Александр ВАСИЛЬЕВ

Шахтерский район,
Донецкая область.

Перед вами новые стихи поэтов фронтового поколения, тех, кто в ранней молодости ушел на самую тяжелую и страшную войну в истории человечества и добыл Великую Победу.

Вернувшись с фронта, они ничем не запятнали честь солдата. И сейчас, как всю свою жизнь, продолжают бой — за правду и чистоту слова.

Давид САМОЙЛОВ

К ПЕРЕДОВОЙ

Заснул я во втором часу,
Когда вечернюю росу
Пьют совы на кустах.
Счастливый, я заснул в лесу
С улыбкой на устах.

Я спал, как может спать солдат, —
Под головой мешок.
И надо мною звездопад,
И мир мой был высок.

Так только в молодости спят
Любимцы всех богов.
Так только может спать солдат:
Есть долг, но нет долгов.

И дома нет. А есть один
Мешок под головой,
И сам себе я господин,
Идя к передовой.

И в этот час, когда я сплю,
Открытый небесам,
Во сне кого-то я люблю,
Кого, не знаю сам.

И письма я во сне пишу,
Чтобы не запропасть.
А завтра утром поспешу
Из лазарета в часть.

Там старшина, еще живой,
Окажет мне почет:
Кивнет приветно головой
И отошлет в расчет.

Вячеслав ТАТАРЕНКО

СТРИЖИ

1

В дымном небе завывая,
Самолеты тьму взрывали.
Гром зениток, скрежет стали,
Что на время затихали,
Помнит станция Лихая.

За туманом в час рассвета
И за струйками огня
Ввысь стрижи взмывали следом —
И нам верилось: победа —
Дело завтрашнего дня.

2

В вечернем небе
крыльев свист, —
Стрижей крутые виражи.
Стрелой они взмывают ввысь,
Туда, где облака свежи,
Где солнце, —
уходя от нас, —
Размыто в светлой пелене.
Смотрю,
не отрывая глаз,
И солнце светится во мне.

Юлия ДРУНИНА

* * *

Этот предпочтительнейший танец
Возле тех, кто вьет интриги нить! —
Молодым положено буянить,
Только не молчаливниками быть.

Пусть погодка на море крепчает,
Злые волны на берег гоня,
В молодых не дерзость огорчает —
Их «извольте» горько для меня...

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

МОИ ДОКТОРА

Доктор
Павел Дмитриевич Колченогов,
этакий увалень
и сибирский медведь,
врач по призванью,
а не по званью,
когда разрезал меня
и когда зашивал,
что-то все время под нос себе напевал,
и в этом его бормотанье невнятном
звучало
нечто такое,
что означало начало
моего исцеленья,
моего воскрешенья.

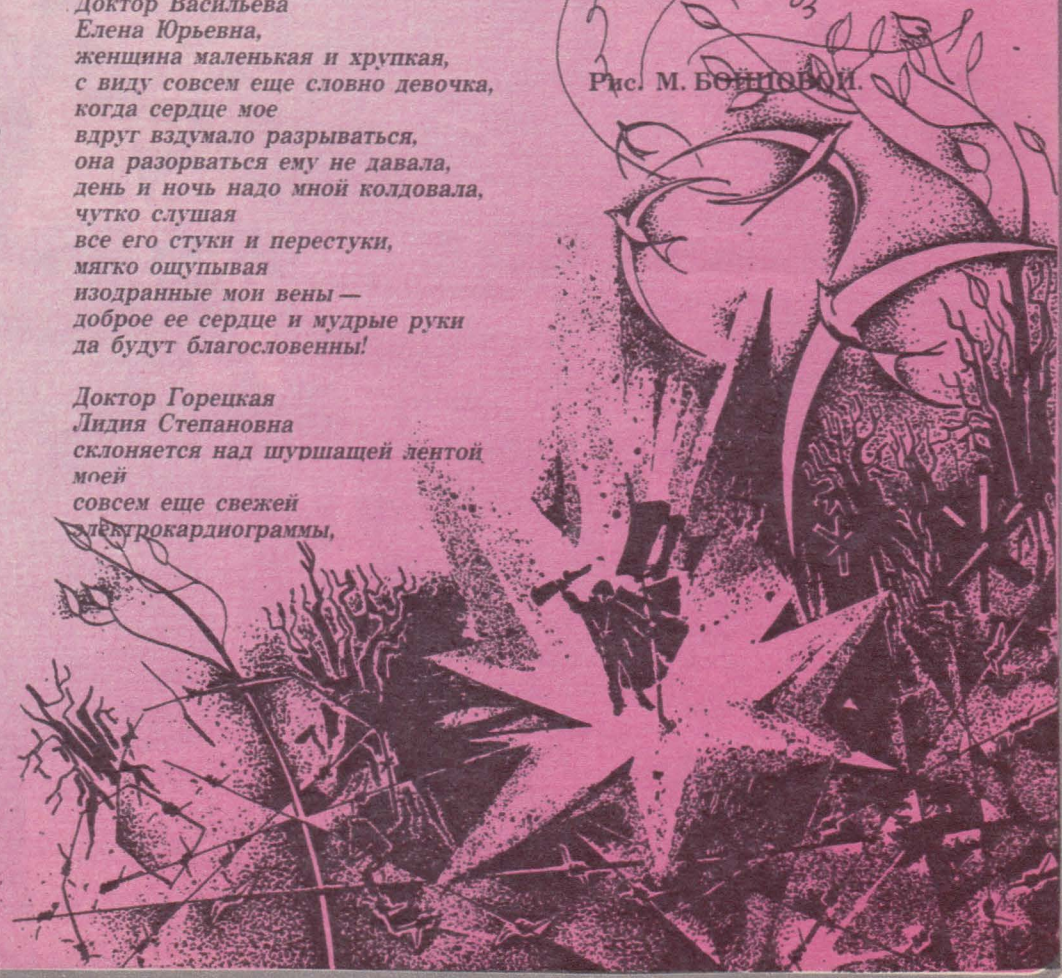
Доктор Васильева
Елена Юрьевна,
женщина маленькая и хрупкая,
с виду совсем еще словно девочка,
когда сердце мое
вдруг вздумало разрываться,
она разорваться ему не дала,
день и ночь надо мной колдовала,
чутко слушая
все его стуки и перестуки,
мягко ощупывая
изодранные мои вены —
доброе ее сердце и мудрые руки
да будут благословенны!

Доктор Горецкая
Лидия Степановна
склоняется над шуршащей лентой
моей
совсем еще свежей
электрокардиограммы,

где тонкие линии тянутся вверх,
как башенки и старинные храмы,
и пишет историю моей болезни,
а по сути — историю моей жизни,
моих побед и моих свершений
и всяческих подвигов ратных,
моих крушений и поражений
самых невероятных,
пишет, как летописец,
в строгой и точной манере,
к каждой мелочи проявляя
такой интерес неподдельный,
как будто бы я император римский,
по меньшей мере,
или уж в крайнем случае
киевский князь удельный.

А вечером,
когда я спать укладываюсь
на свой диванчик,
ко мне неизменно присаживается
самый давний мой доктор,
доктор
Антон Павлович Чехов.
— Ах, — говорит он, — батенька,
мы-то ведь с вами знаем,
что пульса никакого нет!..
И жизнь моя предстает предо мной
как вполне заурядная драма.
И я засыпаю,
как лес просыпается
после зимней спячки.
И снова мне снится,
что меня полюбила
прелестная юная дама,
иногда с собачкой.
но чаще уже —
без собачки.

Рис. М. БОЙЦОВОЙ.

ЛИЦО ПОБЕДЫ

У войны не женское лицо. А у Победы?

...Когда возвращались мужа, сыновья и братья, это на женские лица ложился свет встречи, а если не возвращались, — тень вечной утраты не их ли касалась лиц? И сами они, наши женщины, вынесшие войну на фронте и в тылу, разве не они принесли нам Победу?

У Победы — женское лицо! В каждой черточке этого лица — женская надежда на мир, женский труд, жажда материнства. Мало счастья выпало на долю женщин, прошедших через войну, но и крупницы счастья они берегли особо. Дождаться, встретить, поддержать, выходить. Никто, кроме женщины, не способен на это. Только она — вечная, терпеливая труженица в холодной избе и на скудном поле. Да и к кому бы шел через войну мужчина, если не к ней? О ком помнил, на кого надеялся? К кому возвратился?

В майский день под цветущими яблонями собираются, увы, не все... А те, кто приходит, немолоды. Но идет жизнь после Победы, и на женских лицах она отражается улыбкой надежды.

Снимки прислали на наш фотоконкурс И. ИГОРЕВ, П. НОВИКОВ и В. ШИЯНОВСКИЙ.

Это произошло в годы последней великой войны в одном из далеких аулов юга Казахстана. Помню лето рокового сорок первого года, года змеи — жалын по восточному календарю, согласно преданию, никогда и ничего хорошего не сулящего. Благодатное лето было. Поля колыхались поспевающим хлебом. В рост человека стояла трава в широких лугах. Повсюду паслись отары овец, коз, гурты коров, табуны лошадей. Машин тогда, конечно, было совсем мало. Но зато имелись арбы самых разных конструкций и размеров. Порой они были настолько громоздкими, что с ними справлялись только опытные и искусные — каковым и был Асанкул*, один из главных героев нашего повествования. В тот день к закату солнца Асанкул, как обычно, лихо подбехал к летней доильной площадке — он работал скотником на молочнотоварной ферме, — не спеша распряг лошадей и, надев им на ноги веревочные путы, выпустил на покой.

Заканчивалась вечерняя дойка. Вот Асемапа — главная моя героиня — отпустила последнюю корову и расправила плечи. Только в кузнице, что стояла на пригорке, еще постукивал молот ее мужа Бейсенкула. Обычно его выход из огнедышащего и металлозвучающего обиталища означал для всех жителей аула конец еще одного напряженного рабочего дня и наступление еще одного спокойного мирного вечера.

Однако на сей раз колоссальный железных дел мастер, подвесив большой черный замок на дверь кузницы, почему-то повернулся и смотрел в сторону кыстау — зимовки. Оттуда мчался всадник. Не мальчик, не женщина, а взрослый мужчина, что было плохим предзнаменованием. Когда мужчина скачет туда, где люди, то каждый торопится спросить его: что случилось? Умер твой отец или враг напал на нас?

Плохая весть вездесуща — гласит казахская пословица. В считанные минуты собралась толпа. Всадник еле остановил своего гнедого, скатился с седла и тихим хриплым

голосом сказал: «Война!»

На миг все застыли, словно немые и глухие. Страшную тишину прервал пронзительный плач старой Амираже, которую в ауле звали «печальной бабкой». Она набросилась на вестника, словно он был во всем виноват:

— Ты каралы-хабарши, черный вестник, кто тебя звал сюда? Как ты мог такое сказать? Тебе известно, как поступали с такими наши предки?!

В древности наши предки гонца, который доносил о поражении воинов в сражении, убивали на месте. Те, кто брался сообщить плохую весть, — это были герои, идущие на верную смерть. Я долго размышлял об этом, о характере своего народа. Я всегда считал его (как, видимо, и представитель всякого народа) если и не самым лучшим, то уж наверняка добрым и справедливым, мудрым и стойким, гостеприимным и доброжелательным. И среди моих соплеменников, конечно, немало проходимцев и подлецов, но не о них сейчас речь. Мои пращурь не любили черных вестей, потому что любили свой народ, свою землю, свободу.

Все медленно стали расходиться. В ушах людей стояли слова Бейсенкула:

— Грозный час настал, будем все в боевом строю, в трудовом ряду.

Наступило утро следующего дня. И хотя где-то на западе страны горел пожар войны, как и в былые времена взошло солнце и, ежеминутно теплея и светлея, медленно поднималось все выше. Вставали после бессонной ночи люди. Только не слышно было шума и гама, смеха и шуток. Но грубых окриков тоже не было. Говорили люди только о самом важном, мягко и тихо. Без лишних слов ух-

сюда только в январе 1942 года, с матерью.

— Не броди, не исчезай, — сказала она мне, когда подъехали к зимнему аулу. — Ты знаешь, что едем мы по тяжелому, траурному делу.

Я знал: за какие-то полгода почти все мужчины аула ушли на фронт. И первыми — Асанкул и Бейсенкул. С фронта Асанкул тоже вернулся первым — без ноги. Правую ногу ему отняли выше колена. Это был первый инвалид среди моих земляков. И к Асемапе, чье имя значит Чудо-цветок, пришло горе: она получила известие, что погиб Бейсенкул, ее муж. Ей в эту пору минуло двадцать пять лет.

Не успели мы сойти с лошади, мать спросила сестру:

— Асем дома?

— Да, — отвечала она тихо и понимающе.

— Тогда пошли.

Мы двинулись заснеженной тропкой к большому по тем временам, двухкомнатному дому.

У самых дверей мать крикнула: «Ой — бай!» — и протяжным голосом запрочитала, заплакала, и вместе с ней сестра ее. Изнутри, из комнаты, тотчас раздался ответный плач Асемапы: «Беу, беу Бейсен — ай!» Голос ее звучал по-другому, чем у моей матери, и я тогда впервые в жизни узнал, каков голос настоящего горя, понял, что чужую утрату оплакивают все-таки иначе, чем свою.

Женщины плакали до изнеможения. Первой подала голос мама: «Милая! Будь тверда. Все мы в печали и трауре». Младшая сестра Асемапы постелила на пол достархан — скатерть, приготовила чай. Начался длинный, душешный разговор. Асемапа показала фотографию Бейсенкула. Он смотрел на нас лукаво и весело.

Невесть откуда взялся дальний родственник и сказал, что спасет меня от голодной смерти. Повез на поезде в какие-то хлебные края. Но по дороге — это было на станции Арысь — обменял меня на полмешка пшеники. Страшный черный бородач вез меня дальше. Я твердо решила бежать. И тут поезд остановился где-то в Туркестане. Сошел с поезда бородач и меня за собой потащил. Мы шли вдоль вагонов, а поодаль был виден паровоз, железный жеребец, пыхтевший белым паром. Вдруг раздался призыв к молитве, а поезд начал трогаться. Бородач стал, как подобает правоверному, молиться. А я пулей бросилась к поезду, еле успела вцепиться в поручень вагона. Хорошо, что там стоял человек, он быстро схватил меня за руки и, как соломинку, втянул в вагон. Это и был мой Бейсенкул, и с тех пор мы не расставались. Разлучила нас проклятая война, а клочок бумаги лишил меня мужа навсегда.

Рядом с фотографией Бейсенкула висел лист бумаги, красиво исписанный: кара-кагаз, «черная бумага», вестник беды.

Мы вышли во двор. В окне дома Асанкула, стоявшего невдалеке, светилась керосиновая лампа. Было тихо, но вдруг мы услышали крик мужчины. Кричал Асанкул. Мы быстро пошли к дому. Асанкул стоял в центре комнаты, направив конец деревянного костыля прямо на нас, как дуло винтовки:

— Стой, кто идет? Буду стрелять! — кричал он на ломаном русском языке.

Мы ослбенели. Мать сделала попытку заговорить, но Асанкул — уже по-казахски — гаркнул:

— Не двигаться! Руки вверх! То-то, фрицы, стойте?

АСЕМАПА

дили по своим каждодневным делам...

Что было в ауле потом, я знал понаслышке, издали. Муж тети, у которой я жил, решил тогда отвезти меня домой, в город. И вновь я попал

— Он был таким, когда я увидела его впервые. Это было в 1932-м. В наших краях разразился страшный голод. Отец не хотел знать кровного сына, а сын родного отца. Я уже тогда была сиротой.

Стойте! И долго еще будете стоять! Я вам покажу!

К нему подошла его мать, старая Ажараже. Самыми теплыми, нежными словами, какие есть в нашем языке, она стала успокаивать сына.

* Имена действующих лиц изменены.

главным богатством были близкие люди, и чем их больше, тем лучше. Жалгизим — единственный из тех, что были, последний. Позади столько потерь, и вот остался — жалгизим.

Асанкул так же неожиданно проснулся, как уснул:

— Асем, знай, я вскоре буду там, где твой муж Бейсенкул, где мой друг Бейсенкул. Я передам ему все, что хочешь. Скажу, что не ждешь его, но, как и прежде, ему верна. Верна, верна и верна! Мне бы такую жену, я бы назло всем чертям стал жить вечно. Эх, не то говорю! Прости меня, милая! Поддай, мать, мою зазнобу трехлитровую,

Асанкул пошел на мать, словно в атаку, но, видно, устал и упал — он был вдребезги пьян.

Потом, когда он задремал, Асемапа сказала, убеждая и успокаивая себя и нас: «У него не только тело изрезано, у него изранена душа».

— Правильно говоришь, золотце мое, — заплакала старуха, — не может он примириться с тем, что стал инвалидом. Жалгизим, единственный мой!

У казахов это слово значит больше, чем у других народов. Мой народ до революции бился лишь за то, чтобы выжить. Невероятно высока была детская смертность. Казашка рожала 10—15 раз, а выживали, как правило, один или два ребенка. Поэтому для нас, казахов, самым

и два её мужа

только и радости мне осталось, что пить, пить и пить!

Он припал к бутылке, как теленок к соску матери, и снова свалился на подушку. Нам ничего не оставалось, как уйти, а Асанкул, говорили, запил потом окончательно, не раз уходил из аула, находили его в разных местах, привозили домой, но он опять исчезал. И так было около года, до тех пор, пока мы не услышали вдруг, что Асанкул бросил пить и Асемапа вышла за него замуж. И что даже аксакалы аула это одобрили.

А весной 1944 года случилось вот что: вернулся с фронта Бейсенкул, первый муж Асемапы. Он, оказывается, остался в живых, но тоже инвалид, тоже без ноги, только без левой. Моя мама охала: «Какой ужас, что же теперь будет делать бедная Асем!»

Аул, как и следовало ожидать, не сводил глаз с этой тройки. Как же! Женщина оказалась женой сразу двоих. И каждый из этих двоих был ее законным мужем. Но своего мнения никто не высказывал громко. Ждали. Асемапа сама должна была решить, как быть. Камень упал, как говорится, на ее голову. Но из того, что мне удалось услышать, получалось, что Асемапа словно бы не собиралась

ничего решать. В первые две недели после возвращения Бейсенкула жила у него, а потом то у одного, то у другого: варила, стирала, убирала, делала все по хозяйству и тут и там. Относилась и к Бейсенкулу и Асанкулу одинаково почтительно, приветливо и сердечно, ухаживала за ними любовно и терпеливо. А Бейсенкул и Асанкул, по видимому, примирились со своим не очень удобным положением. Но другие... Представьте, ведь происходило все это на востоке, в патриархальном ауле.

К этому времени Асанкул освоился с костылем, получил протез и время от времени надевал его, чтобы пройти по двору. Копышился по хозяйству, ухаживал за скотиной — это он очень любил и умел. А потом стал пробовать работать скотником в колхозе. Правда, кони его не всегда слушались, и Асанкул большей частью кормил коров, чистил и ремонтировал стойла. И совсем не выглядел несчастным.

А Бейсенкул уже на второй день после приезда на неуклюжих длинных костылях сходил в кузницу. Говорят, очень огорчился, когда увидел, как там все запущено, и уже через неделю вышел на работу.

В это время умерла Ажараже, мать Асанкула. Теперь Асемапа осталась действительно одна между двумя мужчинами-калеками, которые жили по соседству, каждый в своем доме, в одиночку. До этого дня Асемапа поочередно ночевала в двух домах, но всегда вместе со старенькой Ажараже.

Веками велось у нас, что горе сближало людей, примиряло любые разногласия и обиды. На похоронах Ажараже и сын ее, и Бейсенкул работали и прислуживали, как родные братья, будто они были близнецами одной матери. И все были поражены, хотя знали обычай. Прощать — да, но не такое же! Особенно усердствовали в разоблачении Асемапы мулла Акбар и председатель сельсовета Омарбек. Асемапа им ответила один раз. Ответила так:

— Пошли вы оба вон! Вы, Акбар, почтеннейший наш мулла, сначала докажете свою святость и разберитесь с вашей второй бесправной женой. А ты, уважаемый Омарбек, выясни до конца свои отношения с секретар-

шей. Я коммунист, я отвечу за свои поступки сама. Извините меня за непочтение к вам, но в этом виноваты вы сами.

...И снова жизнь в ауле шла своим чередом. Только Асанкул теперь работал в кузнице — сначала подручным, а потом на равных с Бейсенкулом. После смерти Ажараже Асемапа подружилась с молодой дояркой Туйменкуль. Туйменкуль было четырнадцать лет, на два года больше, чем мне. Но когда-то мы учились вместе, в первом классе даже сидели за одной партией, с ней я мог говорить свободно. И от нее узнал потом о жизни Асемапы. Жаль, она не прочтет этот рассказ: Туйменкуль умерла весной прошлого года, было ей всего 57 лет.

Отец Туймы был первым коммунистом в нашей округе. Рассказывали, что с ним вместе «записались в большевики» и другие, но потом струсили, сдали билеты обратно. И первым председателем колхоза стал отец Туймы. А потом настало время, когда его называли «врагом народа», а его дочь — «ядовитым змееным». Не раз угрожали первому коммунисту, первому колхознику противники новой жизни, но он оказался сильнее их. Только перед тем, что нес 1937 год, этот человек оказался бессильным. Туйменкуль об отце никогда не говорила, в чем ее вряд ли можно упрекнуть. Я так долго говорю о Туйменкуль, потому что она — вторая героиня моего рассказа. В 1947 году, ровно в семнадцать лет, школьная моя подружка вышла замуж за Асанкула, за человека, который был много старше ее. Так «грешная тройка» превратилась в «семейный квадрат».

В начале 80-х годов скоропостижно скончался Бейсенкул, на рабочем месте, в мастерской. В память об усопшем, как принято, состоялись жарыс — скачки и кокбар — игра, погоня за козленком. В кокбаре, отвергнув все уговоры, принял участие и Асанкул:

— К дверям уважаемой Асем притащу козленка, как приносил его дорогой мой Бейсенкул.

Долго длилась эта игра на лошадях, в какой-то миг Асанкул схватил козленка и умчался. И никто не мог отнять у него трофей до самого дома Асемапы. Но именно в этот момент из-за дома

с воплем выскочил обманчивый сажей мальчуган. Он изображал пирата.

Конь Асанкула встал на дыбы и понес. У крайнего дома он сбросил с себя всадника и умчался в степь. Прибежавший вместе с другими новый мулла, который был еще и знахарем, провел рукой по телу Асанкула и определил перелом позвоночника. Асанкул жил еще несколько минут...

Асемапу я видел в последний раз весной 1985 года — все готовились отпраздновать 40-летие Великой Победы, и Асемапа говорила, что обязательно хочет дожить до полувекового юбилея нашей славы. Но не дожидая и до сорокалетия. Всего неделю не дожидая до 9 Мая. Хоронили ее почетно, торжественно, положили возле Бейсенкула и Асанкула. А когда все ушли, у могилы осталась одна Туйменкуль. У теплой еще могилы она вот что рассказала мне:

— Вы хотели знать, как дорогая моя старшая подруга жила. Так вот знай, не ложилась она в постель ни с Бейсенкулом, ни с Асанкулом после того, как вернулся Бейсенкул, и это длилось до того дня, как я вышла замуж за Асанкула. День моей свадьбы стал и днем ее нового венчания с Бейсенкулом — дважды она вышла замуж за него. А до того была она обоим нянькой, матерью, сестрой. И меня, когда меня не станет, пусть похоронят с ними рядом. Мы выстрадали свое право быть вместе и после смерти. Обещаешь, что будет так?

— Обещаю. Сделаю, если... буду жив.

— Ты моложе меня. И прожил не такую уж трудную жизнь, занятие у тебя кабинетное. И я думаю, ты проживешь долго, чего я хочу от всей души.

Перед тем, как написать все это, я опять побывал в своем ауле, на зеленом холме, коктебе, где теперь все мои герои. И хочу сказать о том, что невиданный поступок Асемапы — «двоемужество» — был на самом деле мужеством. Или высшей женственностью. А ее, может быть, без высшего мужества и быть не может. И тогда она — милосердие.

АЛЪБЕК, член Союза журналистов СССР. Казахская ССР.

Рис. А. ОСТРОМЕННОГО.

Торький мёд

Человек заслужил награду, а получил ее другой... Как быть? Проглотить обиду или отстаивать справедливость?

грамм участников ВДНХ СССР Эдуард Борисович Ушацкий:

— К сожалению, бывает. Об этом говорят жалобы, которые порой приходят и к нам. Конечно, медаль ВДНХ СССР задумана не как награда хорошим людям, ее получают за достижение определенных производственных показателей и, что порой забывают при рассмотрении кандидатур, за конкретный передовой опыт, степень его повторимости, культуру его передачи. В положении о наградах предусмотрено широкое и гласное обсуждение кандидатур в коллективе, где человек трудится. Но ведь бывает так, что заслужили награду многие, а медаль лишь одна. Вот тут и проявляется субъективность некоторых руководителей. Иной раз, как, возможно, и случилось с Верой Герасимовной Дороховой, определяющим моментом становится характер человека, его отношения с руководством.

Ошибки, конечно, случаются, кто застрахо-

● Имя Веры Герасимовны Дороховой прогрозилось в наградном отделе Алтайского краевого агропромышленного комитета, как обвал. Дмитрий Иванович Карпущенко, заведующий, вздохнул и снял трубку. Один за другим входили причастные к этой истории сотрудники. Узнав, для чего их вызвали, тоже страдальчески вздыхали.

— Все ведь давно установлено, — сказала Людмила Михайловна Мазурова, старший зоотехник объединения по пчеловодству. — Глотов, в то время старший зоотехник колхоза, перепутал показатели, в районе их не перепроверили. Ну, а мы свою работу на доверии строим — как иначе?

Иначе действительно нельзя. В краевые организации поступают сотни данных — можно ли перепроверить каждую цифру? Тем более что подписаны документы людьми ответственными. И «ответственные», разумеется, должны доверять. Правда, и контролировать тоже.

— Да я теперь сама все проверяю! — горячо говорит Мазурова, и ей хочется посочувствовать: сколько же работы прибавилось! Ну, а с Дороховой как все-таки быть?

— Мы перед ней извинились, что еще-то? Весь ее сверхплановый мёд съели... года четыре тому назад, а она все не может успокоиться. И вообще прилично ли это — награду требовать?

«В колхозе я начала работать во время войны, с мамой пасла овец, коров доила. Ни от какой работы не бегала, в трудную пору колхоз не оставила. И уж каких только поручений не выполняла!

В 1977 году в колхозе погибла пасака, осталось 26 пчелосемей. Да и тех семьями не назовешь. Попросили меня поработать на этой мертвой пасеке. Дети мои выросли, по дому помогали. Ушла я с головой в эту работу. А на второй пасеке пчеловодом Косоухов Василий Филиппович. Мне не только не помог — на смех поднимал: мужику не под силу, а ты вздумала дело поправить? Может, обиделся, что к нему, опытному, не пришла на поклон? Я ему какая соперница? А только в 1982 году сдала на склад полтора плана меда, тогда как он лишь в план уложился.

В 1983 году было у нас с ним пчелосемей уже поровну, по 105. Оба поработали неплохо, но мне все-таки радостно вдвойне: я же пасеку, считай, возродила! А тут пришла весть, что колхозу выделена медаль ВДНХ СССР за высокие урожаи меда. Как положение, документы на нас обоих послали. Да только мои, более высокие, показатели Косоухову написали, а мне — его цифры поставили... Вот так и получилось, что ему — медаль, а мне — обида. Но я не успокоюсь, пока не добыю справедливости!»

— Права, конечно, Дорохова, но уж больно характер у нее тяжелый, — сокрушенно сказал Карпущенко. — А ведь при отборе кандидатур на награждение учитываются и личные качества передовика.

Выходит, Вера Герасимовна не получила медаль из-за своего характера? Возрожденная пасека, опыт, который не худо бы распространить, самоотверженность в работе — все оказалось второстепенным; главное — отношения с руководством? Неужели и такое бывает?

Вот что сказал начальник отдела по на-

ван от них? А вот реакция на ошибки — это уже экзамен на зрелость тех, кто призван ошибки исправлять. Диву даешься, читая подписанный исполняющим обязанности прокурора района Б. Стуковиным документ, который Вера Герасимовна получила в феврале 1985 года:

«Прокуратурой Краснощековского района проведена проверка по данному факту, в ходе которой выяснилось, что по итогам работы за 1983 год на... медаль ВДНХ было представлено два человека, в том числе Вы и Косоухов... Документы по награждению готовил ст. зоотехник по пчеловодству Глотов Николай Иванович... Как получилось, что Вам не дали... медаль, не могли пояснить ни Глотов Н. И., ни ст. зоотехник по пчеловодству Алтайского объединения пчеловодства Мазурова Людмила Михайловна, ни в наградном отделе краевого управления сельского хозяйства. Выявить виновника и исправить ошибку в настоящее время не представляется возможным».

Вот так и написано: «Не представляется возможным!»

Кстати, по прошествии еще двух лет в наградном отделе крайагропрома та же Л. М. Мазурова, о которой упоминает и о. прокурора как о человеке, не располагающем информацией, с первых же слов четко назвала истоки ошибки, конкретного виновника и степень его наказания. Так почему же не обратились на ВДНХ СССР с просьбой о дополнительном выделении медали человеку, который ее заслужил?

И как исключить возможность ошибок, субъективного подхода в оценке трудовых заслуг человека, его награждения?

Начальник отдела по наградам участников ВДНХ СССР Э. Б. Ушацкий:

— Сейчас ВДНХ сокращает количество наград более чем в два раза, так что медаль становится более «весомой». Судьба наград отныне будет решаться на более справедливой, коллегиальной и доказательной основе, ошибок будет меньше. Ну, а если все-таки возникнет спор, нет ничего зазорного в том, чтобы вернуться к повторному обсуждению кандидатур. Оба пчеловода колхоза «Алтай», безусловно, заслуживают награды. Мы обратимся в Главвыставком с просьбой о выделении медали для Веры Герасимовны Дороховой. Что для этого нужно? Только одно: ходатайство крайагропрома.

Об этом и шел у нас разговор в кабинете у Д. И. Карпущенко в ноябре прошлого года. И не было непонимания, упорства в непризнании ошибки. Наоборот, была готовность исправить ее. Но... документы на ВДНХ СССР так и не поступили. Ведь основой ходатайства должно быть признание собственной оплошности, а на это, похоже, у работников наградного отдела крайагропрома духу не хватило.

Канули в Лету те времена, когда бумаги заслоняли человека, когда работники аппарата были непогрешимо уверены в своей исключительности и в своем праве поступать, как им заблагорассудится. Времена изменились, но, чтобы старое не смело вновь поднять голову, мы обязаны учиться защищать свои права, честь своего труда и честь своего имени. Так, как защищает их Вера Герасимовна Дорохова.

Нина КОРИНА

НАЛОГ НА НАСЛЕДСТВО

Совхоз, где Светлана Августовна Пинаева директором, в минувшем году вновь разделил последнее место с одним из колхозов района. А между тем уже лет двадцать хозяйство не достигало таких успехов. С тех пор, как Пинаева возглавила хозяйство, урожайность зерновых выросла до 19 центнеров с гектара (а была 8), удой на корову — до 2400 килограммов (с 2247), кормов запасли по 19,4 кормовых единицы на голову. Только картошка не уродилась опять — но у кого она в том году уродилась? Однако все относительно на свете, и по отношению к другим совхоз имени Гагарина остался в прежней позиции — они ведь тоже на месте не стояли. Даже, пожалуй, более тяжелой стала для совхоза ситуация: переход на хозрасчет и самофинансирование высветил объективную картину экономической жизни хозяйства. А она такова: 11 процентов рентабельности — это очень немного, до самофинансирования тут далеко. Раньше-то хоть ругали за низкую продуктивность, да давали дотации, можно было жить, хоть бы и ругаными. Дорого дала бы нынче Светлана Августовна, чтобы тех дотаций было поменьше! Но это потом она поняла, какая ей досталась ноша.

А два года назад — это было сразу после XXVII съезда партии, — когда ей предложили возглавить совхоз, она согласилась. Настроение после съезда было такое, что риск манил, верилось в быстрые перемены. Идеи съезда вызывали восторг, казалось, что именно с ее помощью, с помощью Светланы Августовны Пинаевой, эти идеи быстрее восторжествуют здесь, в совхозе имени Гагарина.

«Зачем она бралась?» — спрашивают сегодня. Но кому было братья? В совхозе — некому. А ждать очередного пришельца — так откуда ему взяться? И где гарантия, что он именно тот, кто способен творить чудеса? В Пинаевой же безусловно было и есть вот что: она и в досъездовские времена не воспринимала ситуацию в хозяйстве как нечто нормальное.

Возникший в результате многих слияний, совхоз велик, из конца в конец километров 40; 27 деревень, но из них только в трех живут те, кто работает в хозяйстве, в прочих же — пенсионеры и дачники. Причем почти все постройки, фермы, вообще жизненные центры в одном

Опять у Светланы Августовны трудная ситуация. Опять ей нужен совет, и опять она едет в колхоз имени Калинина. Егорову проблемы Светланы Августовны видятся, вероятно, более простыми, чем они есть, а ей — более сложными...

Новое назначение

конце, а лучшие земли и пастбища — в другом. А когда лет десять назад построили животноводческий комплекс, хозяйство окончательно забуксовало. Комплекс предназначен для беспривязного содержания 800 голов. Но кормить коров было нечем, и его переделали в обычные фермы, скот привязали — теперь его здесь 600 голов. Миллионы потратили на комплекс, потом тратились на переделки. Все эти траты ложились и ложатся на себестоимость молока...

Строили здесь вообще много. Место это особое. Недалеко от Новоселова, центральной усадьбы совхоза, двадцать лет назад погиб Юрий Алексеевич Гагарин. Память о нем, любовь к нему требовали, чтобы по дороге к мемориалу не было неустройства и запустения. И когда именно этому хозяйству выделяли средства на строительство, никто не возражал. Сегодня фон-

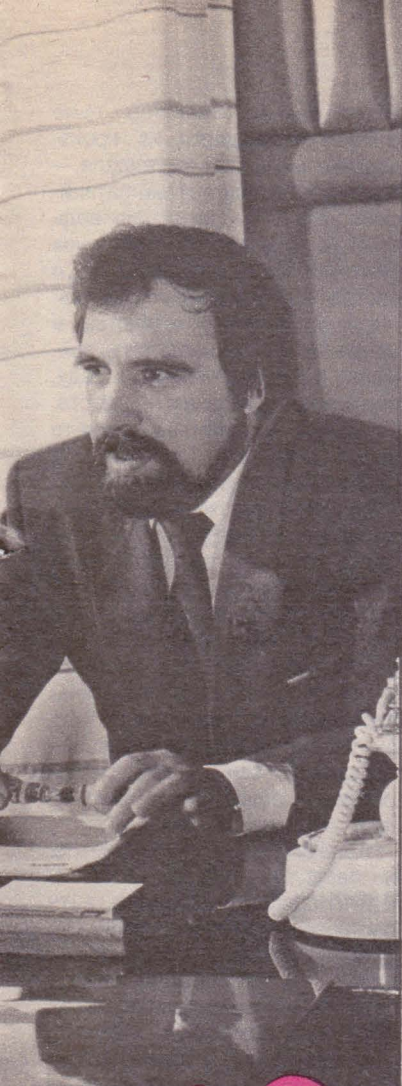
ды совхоза составляют 16 миллионов рублей, из них 11,5 — производственные. А это значит, что амортизация их, входящая в себестоимость продукции, которую производит совхоз, достигает 15 процентов этой себестоимости.

Не спешите говорить, дорогие читатели, что вам бы такие заботы, как избыток богатства. Строили в совхозе хоть и с размахом, но довольно бестолково. Скажем, гараж, который впрямую был бы специализированному транспортному предприятию, а не совхозу, где 24 автомашины. Причем он пока и недостроен: дотации кончились, а работ осталось тысяч на 200. Или механическая мастерская, в которой можно поставить друг на друга три комбайна, где «по южному типу» окна от пола до потолка

и поэтому вечный холод. К тому же почти все сооружения, в том числе и весьма большой жилой фонд, к моменту, когда Пинаева стала директором, требовали ремонта, то есть новых затрат. И тут произошел переход на самофинансирование и самокупаемость.

К этому же времени резко возросли требования ко всем сторонам деятельности совхоза. Ведь не только Пинаева восприняла идеи съезда как возможность наконец-то навести порядок. И вот районная санэпидстанция, которая годами не обращала внимания на то, что в совхозе имени Гагарина не действуют очистные сооружения, мечет громы и молнии на голову Пинаевой. Из зарплаты директора совхоза ежемесячно вычитают примерно шестую часть: штраф по санкциям санэпидстанции, штраф за падеж телят, штраф

нше

от Пинаевой не укрылось недоумение Егорова.

— А у вас дети есть? — таков был второй вопрос Егорова.

— Двое.

— У меня трое. И, знаете, моя жена с ними едва управлялась.

Видимо, таким отчаянным показалось Егорову положение нового директора, что он предложил: «Ладно, если надо будет посоветоваться, приезжайте». Потом удивлялся: «Почему не едете?» И, наконец, сам вызвался шефствовать над слабым соседом.

По совету Егорова переменяли саму концепцию хозяйствования. Прежде в совхозе вопрос ставился так: основной доход идет от продажи молока, значит, все силы и все средства нужно отдавать животноводству. Николай Сергеевич предложил взглянуть иначе: отладить земледелие, тогда будут корма. Без них все равно никакие вложения в животноводство не окупятся.

По подсказке Егорова раскрепили и землю между четырьмя подрядными звеньями. Чтобы у каждого на руках был севооборот, и люди, работая, знали: на этих полях им пахать и сеять и через год, и через три.

Егоров настаивает: «Не дергайся от каждого укола, от каждого упрека. Я, когда хозяйство принял, два года на всех совещаниях сидел вот так (тут Егоров прятет лицо в ладони), но, выбрав свою линию, ее и гнул». Пинаева так не может. Не только от упреков — от холодного тона несчастна. Женщина.

Но главный урок Егорова был вот такой:

— Ищи поддержки у людей, всегда спрашивай их мнение. Не пропусти разумного совета. Не опасайся, что они забудут, что перед ними начальник — они это и так знают. Не убедишь их, что тут их земля, их судьба — не выйдет ничего.

Он привозил Светлане Августовне газеты и журналы с интересными статьями на экономические темы, убеждал, что главный резерв сегодня — творческое начало в человеке. Личность!

КОГДА ЗВУЧИТ ТА САМАЯ СТРУНА

А личность в слабом хозяйстве — она в дефиците. Потому что здесь — именно из-за бедности и безалаберности — сложился особый тип работника. Он давно покинул землю, на кото-

рой работали его отец и дед, так что о чувстве родной земли с ним толковать бесполезно. Он сменил не одну область, не одно хозяйство. Ему один резон — заработок. Он знает, что его руки нужны, и ему это на руку. И напрягаться, выкладываться не хочет, не находит нужным.

Поскольку в совхозе имени Гагарина с квартирами неплохо, людей здесь, в общем, хватает. И они почти все именно пришлые, «бескорневые». Так что тревога Светланы Августовны, что она не может в них «задеть ту самую струну», имеет основания.

Вот приходит к ней механизатор, жалуется, что мало заработал.

— Ты во сколько сегодня работу кончил?

— В два. Больше нечего было делать.

— А почему к бригадиру не подошел, не спросил, какая еще есть работа?

Егоров в свое время настаивал: чтоб человек не чувствовал себя наемной рабочей силой, самый надежный путь — подряд. Но только настоящий: закрепить за бригадами землю и технику.

Создали четыре такие бригады. Осенью оказалось, что одна бригада «зашивается»: 500 гектаров картофельного поля, а убирать нечем. А соседняя свою технику дать не хочет. Убеждала их Пинаева выручить товарищей: хозяйство-то все же общее. Убедила? Или те поддались административному нажиму, пусть вежливому? Егоров считал, что зря «поломала бригады». Светлана же Августовна уверена, что другого выхода не было, что спасенная картошка важнее правильного принципа.

Взяла за правило спрашивать у специалистов, что они сделали за месяц, за неделю. Поначалу чаще отвечали: отвез, достал, дозвонился... А она хочет, чтобы говорили о планах, о новых идеях.

На это — на инициативу и самостоятельность — у Пинаевой главная надежда. И «спрос» наконец стал рождать «предложения». Татьяна Журавлева, бригадир, предложила организовать «прифермский севооборот»: каждой бригаде гектаров по 20 засеять кормовыми культурами на «зеленку» и взять на откорм бычков, это кроме основной работы в полеводстве.

А одна из ферм перешла на подряд, причем без нажима. Если тут кто и уговаривал, то лишь Татьяна Викторовна Алек-

сеева, доярка, член парткома. Удалось это; считает Алексеева, потому, что подобались люди, «до работы жадные». На этой ферме в минувшем году надаивали уже по 2800 килограммов от коровы. Почему? Вывезли коров в хороший летний лагерь. Однако пришлось дояркам и скотникам взять на себя «лишнюю работу» — довести до ума полуразрушенный двор в деревне Акулово. Муж Татьяны Викторовны, к примеру, плотник, много поработал. Чистый ли энтузиазм тут был? Да нет, еще и расчет. Зарплаты-то стали больше с увеличением надоев.

...Вот два телятника. Прошлой весной — в одних и тех же условиях — на одном погибли два теленка, на втором — был падеж настоящий. На первом работают Раиса Власовна Задвинская и Олимпиада Михайловна Морозова. Раиса Власовна как-то повредила руку, и ее перевели на легкую работу. Кормушки белить.

— Белю день, белю два. Телята на меня смотрят, а я им как неродная. Ну ее к бесу, думаю, эту легкую работу, лучше я с телятами...

Задвинская не местная. Но таким, как она, достаточно создать условия для нормальной жизни, для нормальной работы — и та самая «струна» в них зазвучит.

Как у Екатерины Алексеевны Коваленко: пришла на ферму — и прекратился падеж, почти сразу же. Тут человеческий фактор в чистом виде. Тут жалость доброго человека к живому существу:

— Ну маленький, ну насмерть расплакался, ну не плачь, сейчас тебя напою, сейчас...

Весь вопрос сегодня — чье отношение к делу будет задавать тон, каких людей окажется в совхозе больше. Такая, как Валентина Алексеевна — она везде ко двору, везде работу найдет и в чести будет.

А отцу ее в Новоселове не нравится. Ему скучно: подворья при городских домах нет. Надо бы пару телят взять на откорм. По одному, по два теленка многие берут. А больше — где держать? Совхоз сейчас сараев строить не может, хотя цена тому сараю — 200—300 рублей. Не самим же строить...

А почему не самим? Через год они окупятся, через три большую прибыль дадут. Но выгода только в перспективе, а далеко вперед люди не приучены заглядывать. Хотя, может быть, ощущение перспективы и есть та самая «струна»! Перспектива же

за сгоревший свинарник. А с кого, простите, спрашивать? Она «унаследовала» директорскую должность, она и отвечает, как ни крути.

Вот в какое положение попала Светлана Августовна, тридцатидвухлетняя женщина. Бывшая горожанка. Новенькая. К тому же, как говорят дети, «сама высунулась», оттого ей вроде и сочувствовать необязательно, и спросить можно жестче. Тут инициатива, которая, того и гляди, будет наказуема.

С ПОМОЩЬЮ ЕГОРОВА И БЕЗ НЕЕ

На районном совещании Светлану Августовну познакомили с Николаем Сергеевичем Егоровым, председателем лучшего в районе колхоза имени Калинина.

— Вы знаете, кто перед вами? — спросили его. — Новый директор совхоза имени Гагарина.

— Вы?!

Пауза. Как раз такая, чтобы

бывает только у инициативного человека. Исполнитель живет одним днем.

Как убедить людей? Сейчас они стали гораздо активнее. Но пока это такая активность, что каждый думает о своем, говорит о себе. Пинаева заметила: даже на собраниях всяк себя слушает. Диалога пока не получается. Однако налаживать его придется, чтобы объединить людей, в чьих душах звучит «струна». Объединить — и тем удержать.

НА РАЗРЫВ

Однако самое трудное для сельского руководителя — отношения не с теми, кто ему подчинен, а с теми, кому он подчиняется.

Разве Пинаевой не помогают? Кто бы ни приехал в совхоз, обязательно укажут на какое-нибудь упущение. «Но только главный бухгалтер РАПО Валентина Алексеевна Редькина не указывает, а подсказывает», — говорит Пинаева. А что тычут носом их во все «дыры» — так «дыры» в совхозе видят еще лучше, чем человек со стороны.

Помогают, конечно. Но вот такая ситуация: план по поголовью (есть еще и такой план) для совхоза на этот год — 1100 голов. Хозяйство же имеет 960 коров. На них-то и хватает запасенного корма. Выполнить «план по поголовью» — значит, закупить еще коров, а денег нет. Просит Пинаева в РАПО, чтобы установили только план по молоку, а уж сколько коров будет давать это молоко — пусть совхоз решает сам.

— Странно вы рассуждаете, — отвечает председатель РАПО Сергей Иванович Волков, — ведь весь ваш доход от молока, а вы не хотите наращивать поголовье.

— Да ведь кормов не хватит на 1100 коров, и коров этих нет.

— Не надо было продавать племенных телок, — слышит она в ответ.

— Но они по названию только племенные, мы же их на мясо сдали не случайно, мы же не враги себе. Хороших телочек всех оставили. Зачем нам плохие коровы? И из тех, что есть, половина дает меньше 2000 килограммов.

— Вот-вот. А вы племенных телок продаете...

И та, и другая сторона знают, что нет официального плана «по поголовью», а есть привычные формы учета, привычные методы хозяйствования. Пинаева готова рискнуть — обойтись 960 коровами. Но пойти против воли

председателя РАПО — нет, не хочет. Риска хозяйственного, экономического не боится — боится испортить отношения. И это тоже тяжелое наследство минувшего десятилетия: ставка не на логику экономики, а на логику «отношений».

Указать, «делай так, как принято», проще, чем вместе искать иные, новые пути и выходы. Например, совхоз хочет открыть свой подсобный цех (до сих пор хозяйство — единственное в районе — его не имело). Теперь начинают делать полихлорвиниловую пленку, это сулит столь необходимые деньги. Но там, где начинаются «тонкие материи» — организация труда, выбор методов, включение науки, — тут Пинаева пока, считай, одна.

С нее все время что-то требуют, и требования эти тянут в разные стороны. У ветерана холодно в ванной — по этому поводу при мне дважды звонил председатель исполкома, из-за этого приезжали в хозяйство заместитель председателя РАПО, главный инженер РАПО и заместитель редактора районной газеты.

Инспектор из областного совета профсоюзов и представитель районного спорткомитета требовали чуткого отношения к совхозному инструктору по физкультуре и спорту. Им в совхозе недовольны, секретарь парткома, председатель профкома, председатель сельсовета считают этого человека бездельником, но приезжие товарищи намекали, что и здесь просчет совхозного руководства. Дебатировался вопрос: кто должен собирать людей для занятия спортом? Я с изумлением узнала, что профорг и председатель сельсовета. А инструктор-методист, «как специалист», раз в неделю покажет, что надо делать руками и ногами: «За 90 рублей кто же будет работать больше?»

Инструктор облсовпрофа строго спросил Пинаеву:

— Вы, конечно, помните параграф № 4 «Справочника физкультурника»?

И она не сказала, что ей сейчас не до параграфа № 4, ее волнует, где оборудование для производства пленки установить.

Вот он, болевой узел: Пинаевой руководят в том смысле, что переключаются на нее все дела. Ей говорят: должно быть так. Вот и вертись. За что Светлана Августовна благодарна главному бухгалтеру РАПО? За то, что та смотрит на болячки хозяйства не только «сверху», но и как бы

«изнутри», принимая и на себя ответственность. Так бы посмотреть на них и главному зоотехнику РАПО — тем более что именно он возглавлял совхоз до Пинаевой, ему это было бы легче, чем другим. Или главному агроному РАПО: ведь десятый год совхоз сажает картошку в убыток, и в районе она плохо идет.

Пинаева, конечно, по должности своей много чего должна, кто же спорит. Но ведь и у РАПО есть долги перед совхозом. Организация эта создана, вспомним, не как контролирующая и указующая, а как помогающая, направляющая, у нее в отношениях с хозяйствами, как это сейчас принято говорить, должна быть «педагогика сотрудничества».

За то, что практическую ответственность за слабые хозяйства у нас несут только их руководители (которые в этих случаях начинают быстро сменять друг друга), платит сегодня вся страна — существованием продовольственной проблемы. И несмотря на это, самый распространенный способ «лечить» слабые колхозы и совхозы — спихивание их «на новенького». Ожидаемый результат получается крайне редко.

Мне напомнят сейчас десятки историй о том, как удачно подобранный руководитель буквально «воскрешал» слабое хозяйство. Не надо. Я сама не раз о таком писала. В свое время таким председателем пришел в колхоз имени Калинина Егоров. Но сколько подобных попыток кончается неудачей? Сопровождается многолетней «председательской чехардой»?

Бывают — слава им — самородки, таланты. Но наберем ли самородков на весь Союз? Ведь, чтобы «вытащить» хилое хозяйство, нужны не только желание, способности, образование. Опыт нужен не меньше. А его-то и нет у «новенького». И ему нужен для начала опыт других, то есть внимание. Потому мы и говорим о директорстве Светланы Августовны Пинаевой, хотя до успеха ей еще далеко. Не случайно же, когда с трибуны районного актива Николай Сергеевич Егоров спросил: «Кто из сидящих в этом зале мог бы и захотел бы поднять совхоз имени Гагарина за два года?» — вопрос этот остался без ответа, повис в воздухе.

Пинаева, пытаясь решить эту задачу, читает специальные журналы, ищет встречи с авторами статей, в которых ей чудится намек на выход, мечтает съездить

в отлаженное хозяйство, тоже специализирующееся на производстве молока и картофеля, — хорошо бы в знаменитый латвийский колхоз «Адажи». Но ведь это тоже стереотип — ехать «за опытом». Ведь возможно же и «встречное движение»: специалисты из сильного хозяйства, а может, и его руководитель приехали бы к неопытному соседу, изучили бы ситуацию на месте, взяли бы над ним на какое-то время шефство. Так, как это сделал Егоров, но не совсем так. Чтоб шефствовали не «вахтовым методом», не наездами. Пусть бы год, а то и два поработал сильный руководитель в слабом хозяйстве — жить при этом он может и у себя дома, невелики расстояния в районе. И пусть бы в случае успеха шеф был вознагражден за усилия, можно было бы заранее обговорить условия поощрения так, чтобы он не остался в обиде. Ему стимул нужен, он тоже человек.

А какой стимул нужен Светлане Августовне? Да хоть чтоб какой-то просвет забрезжил. Хотя бы потому, что она женщина, долго работать в ситуации неудачи ей невозможно. Чтобы хотя бы спроектированы были, если не построены, какие-то «мостики», по которым хозяйство могло перейти к реализации программы, которая у Пинаевой есть. А программа такая: увеличить надо. Для того нужно сделать всему стаду хорошие летние лагеря, заняться кормовыми культурами, племенной работой. Может, в связи с тем, что все это нелегко, не заставлять хоть какое-то время сажать убыточную картошку? Может, провести в хозяйстве выездное заседание совета РАПО: проанализировать положение, предложить варианты, а там пусть выбирают? Но пусть в результате этих действий директору совхоза придут знания, опыта, уверенности в себе, а не наоборот, потеряет он последнюю веру в себя. Впрочем, Светлана Августовна ее пока не теряет.

— Есть у вас надежда? — спросила я ее.

— Оптимизм есть, — последовал ответ.

Согласитесь, что в такой ситуации оптимизм — опознавательный знак душевного мужества и стойкости.

Татьяна БЛАЖНОВА

Совхоз имени Гагарина, Киржачский район, Владимирская область. Фото А. ДЖУСА.

*швы, втачи,
выкраиваем*

**ЧИТАЙТЕ
В
«ХОЗЯЮШКЕ»:**

Давайте-ка сошьем на выпускной бал не нарядное платье, как обычно, а юбку с блузкой!

Предлагаем старшеклассницам два варианта: остромодный (юбка типа «баллон») и романтический (юбка края годе), блуза подойдет к любому из них. Выбор — за вами!

Итак, юбка-«баллон» — новинка сезона (модель 1). Размер 44—46, рост III—IV. Ткань — тонкая, но плотная: тяжелый шелк, поплин и т. п. Расход ткани: 2 м 20 см при ширине 80 см. Особенно пойдет такая юбка высоким и стройным девушкам. Шить ее несложно.

* Выкраиваем детали

по чертежам. Стачиваем боковые швы юбки с учетом застежки на левом боку. Нижний и верхний срезы получившейся «трубы» присбориваем.

* Беремся за пояс-кокетку. Она двойная, боковые швы на левом боку лишь наметаны — в расчете на застежку. Швы на правом боку стачиваем.

НАРУШИМ ТРАДИЦИЮ!

● Скоро — выпускной бал.

Что надеть? Какую прическу выбрать?

● Май весну венчает, лето встречает.

● В следующем выпуске: все для детей!

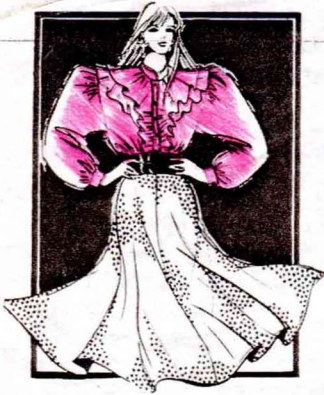

швы, втамы, бошываи

Модель 2

Кто станет спорить, что характер костюма обязывает, диктует определенный стиль поведения! В такой юбке хорошо кружиться «под звуки вальса плавного...».

в том, что воротник выкраивают вместе с планками. Волан № 1 вшивают между планками и основными деталями блузы, а волан № 2 пришивают настрочным швом на некотором расстоянии от планки (по линии, указанной пунк-

мечаем середины спинки блузы и спинки волана, плечевые швы — с соответствующими засечками на волане, распределяем сборки равномерно по всей длине волана. Теперь можно пришить волан настрочным швом. Чтоб его открытым срез не портил впечатление, если воротник, к примеру, поднимет ветром, можно закрыть шов полоской ткани (ширина 1,5 см), выкроенной по косой нити, или тесьмой в цвет блузы.

* Волан № 1 приметываем таким образом, чтобы внутренние срезы волана совпали со срезами бортов посередине переда и со срезами горловины, а концы волана с низками бортов.

Сборки на волане распределяют равномерно по всей длине.

* Теперь обрабатываем горловину и борта планкой с цельнокроеным воротником, стачиваем боковые швы, подшиваем низ блузы.

* Беремся за рукава. По окату присбориваем их, стачиваем внутренние швы, пришиваем манжеты. Вметываем рукава в проймы, проверяем посадку на фигуре и только затем застрачиваем швы.

Как уже говорилось, такая блуза подходит к любым предложенным юбкам. Она может быть белой или другого цвета, гармонирующего с юбкой, а может — и из одной с ней ткани (к примеру, из цветного ацетата), но следует иметь в виду, что особенно красиво смотрятся воланы на гладкой, однотонной ткани.

Веселого выпускного бала!

Т. АНДРЕЕВА,
С. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ,
художники-модельеры.

Если ткани недостаточно или она слишком дорого стоит, можно пустить на нижнюю часть юбки другую — подкладочную. Только пришивать ее не по линии сгиба, а немного ниже — на чертеже пунктиром указано, где это лучше всего сделать.

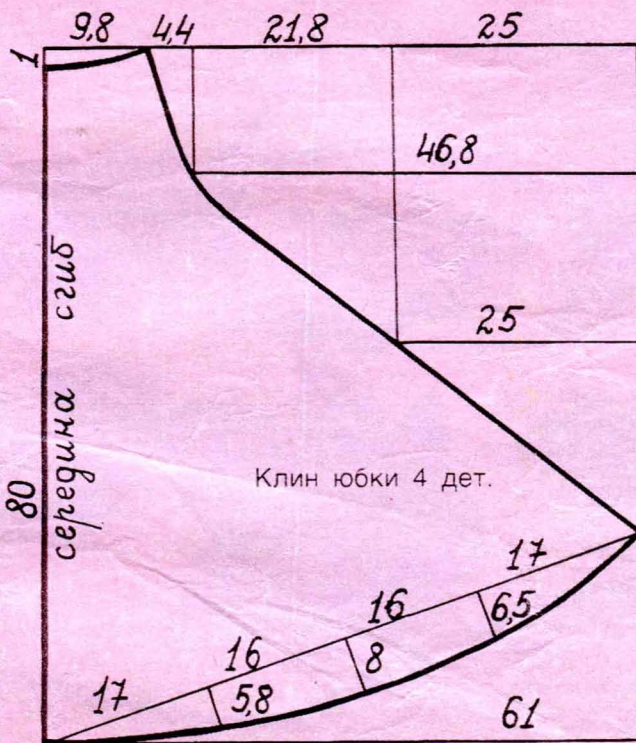
Модель 2 — юбка-годе в романтическом стиле, она состоит из 4-х клиньев, сильно расширенных книзу. В один из швов вставлена застежка-«молния». Пояс жесткий, с прокладкой, застегивается на 1—2 пуговицы. Размеры — те же, ткань — любая облегченная, вплоть до трикотажа, с рисунком или однотонная, расход при ширине 1 м 40 см — 3 м 20 см.

Своеобразный крой такой юбки имеет и плюсы (очень легок для работы) и минусы: при раскрое деталей остаются «не у дел» большие куски материала. Правда, из них можно сделать пояс или даже верх к юбке. Возможен и другой вариант: если разрезать каждый клин пополам (см. чертеж), раскладка получится экономичнее, тогда можно использовать для юбки и узкую ткань, только клиньев будет уже восемь.

* Выкраиваем клинья, соединяем их, оставляя в одном месте шель для будущей застежки.

* Вшиваем «молнию».

* Пояс складываем вдвое вдоль, лицевой сто-

роной внутрь, накладываем прокладку, притачиваем на расстоянии 0,5 см от края, уравниваем срезы, обрабатываем концы, выворачиваем налицо.

* Накладываем пояс внутренней стороной на юбку, уравниваем срезы, притачиваем.

* Подшиваем низ юбки, пришиваем пуговицы к поясу, пробиваем петли, отутюживаем.

Нарядную БЛУЗУ лучше всего шить из белого батиста, можно использовать шелк, крепдешин, ацетат. Потребуется 3 м 50 см при ширине ткани 110 см.

Особенность кроя блузы

критером на чертежах спинки и полочки).

Спинка, полочки и рукава выкраиваются по долевой нити (не забудьте о припусках на швы — они не учтены в чертежах!).

* Стачиваем плечевые швы, разутюживаем их. Не сшивая боковых швов, распластываем на столе спинку и полочки лицевой стороной вверх. Переносим на эти детали линию пришива волана № 2.

* Заранее обработанный волан № 2 (с подшитым внешним срезом и присборенным внутренним) прикладываем к намеченной линии также лицевой стороной вверх. Сов-

швей, валян, вышиваю

«РОЗЫ» НА ВСЕ СЕЗОНЫ

В прошлом году «Крестьянка» много писала о том, как обновить и использовать старую кожу от сношенных сапог, перчаток, сумок. Спасибо за

пояса, модные повязки на лоб и т.п., но и элегантные украшения, которые придадут женственность, своеобразие любому наряду.

Посмотрите, пожалуйста, на фотографию: такие «розочки» я делаю из обрезков кожи и замши. Подбираю различные кусочки,

стилки, шнурок для подвески — из замши.

Кожаные обрезки бывают разного качества: цветочки лучше делать из более тонкого, нежного материала, листья — из более грубой кожи. Для склеивания использую клей ПВА.

У меня нет двух одинаковых украшений, хотя технология работы всегда одна: вырезаю 10—12 лепестков в форме фасолины размером обычно от 1 × 2 см и до 1,5 × 2,5. В центре цветка располагаю лепестки помельче, ближе к краям — более

склеиваю их (не кисточкой, а просто спичкой), наращивая венчик постепенно по спирали. Места склейки зачищаю наждачной бумагой. Если такой венчик подержать над пламенем свечи, лепестки красиво выгнутся.

На основу в виде овала или круга наклеиваю 3—4 листика покрупнее и 2 — поменьше размером, оставляя в центре луночку для розочки. Дно ее немного срезаю, чтобы не получилась слишком высокая, вклеиваю в оставленную луночку, лепестки

интересные советы! От себя добавлю, что из обрезков такой кожи, а также старой замши, можно сделать не только сумки,

сочетаю их по фактуре и цвету. Оба материала хорошо komponуются в одном украшении: к примеру, розочка — из кожи, ли-

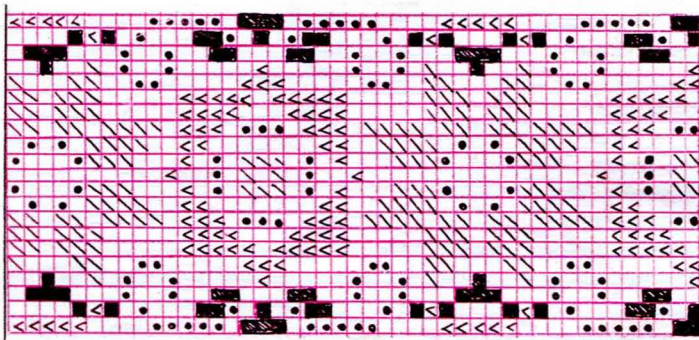
крупные, увеличивая размер их постепенно. Слегка скручиваю лепестки пальцами, придавая им естественную форму. Затем

расправляю. Можно дополнить украшение двумя-тремя завитками.

Н. ШАХОВА,
Донецкая область

И НА БЛУЗКУ, И НА САЛФЕТКУ

Этот рисунок в духе украинских народных орнаментов несложно вышить крестом. Он может украсить и нарядную белую блузку, и парадную скатерть, и салфетку, и де-

коративную подушку, и постельное белье.
Л. СТРИБУЛЬ

Нитки — мулине или ирис. Условные обозначения цветов:

белый — □
черный — ■
зеленый — ▣
красный — □

Зеленый уголок

Чтобы урожай порадовал, надо в мае землю как следует обиходить: не поленимся сейчас, поработаем на участке — будем осенью с прибытком!

МАЙ ВЕСНУ ВЕНЧАЕТ, ЛЕТО ВСТРЕЧАЕТ

ПОЖАЛУЙТЕ НА «ДИСПАНСЕРИ- ЗАЦИЮ»

Осмотрим плодовые деревья, только не спеша, тщательно: ведь предстоит оценить «историю болезни» каждого в отдельности!

Вздунулась или отстала кора? Придется удалить ее, зачистить ствол до здорового слоя, промыть трехпроцентным раство-

ром железного (или однопроцентным медного) купороса, замазать садовым варом, обвязать темной пленкой.

Яблоню, грушу погрызли мыши, зайцы? Оздоровит дерево прививка «мостиком»: кору не зачищайте, выше и ниже раны сделайте Т-образные надрезы и вставьте в них концы еще не проснувшегося черенка. Наложите над «раной» несколько «мостиков» через 3 см друг от друга. Прививку обвяжите, замажьте щели садовым варом; все листья и побеги, появляющиеся на «мостике», обрывайте.

Слива, вишня обрезки не требуют. Ветви молодых яблонь и груш лучше обрезать осенью. А вот у взрослых деревьев надо вырезать сухие, больные, поломанные, поврежденные вредителями или растущие внутрь кроны ветки. Подмерзшие обрежьте до здоровой почки.

Если вы наметили сделать новые посадки — поспешите. Следите только, чтобы корневая шейка возвышалась над уровнем земли на 3—4 см. После посадки обильно полейте де-

ревце и замульчируйте почву торфом, перегноем, опилками или просто сухой землей.

Плодовому саду требуется серьезная поливка: сливе и вишне — сразу после цветения, яблоне и груше — когда опадет лишняя завязь.

Нужна и подкормка, лучше всего органическая: навозная жижа, разведенная водой 1:10, или птичий помет, разведенный 1:20. Ведро такого раствора достаточно на кв. метр почвы. Лучше всего внести удобрение в скважи-

ны, вырытые на расстоянии метра друг от друга на глубину 50 см и заполненные галькой, щебнем или крупным песком.

Постараемся обойтись без химии! Защитят от вредителей ловчие пояса: из плотной бумаги или мешковины, шириной 30—40 см, наложенные на ствол в 20 см от почвы. Осматривать их и уничтожать вредителей нужно раз в 10—15 дней, но и этого не потребуются, если пропитать бумагу энтобактерином.

От тлей, клещей, медяницы эффективно опрыскивание настоем чеснока. Пропустите через мясорубку 200—300 г неочищенных головок, залейте двумя литрами горячей воды, настаивайте сутки, затем процедите, отожмите. Добавьте в раствор 8 л воды и 30 г хозяйственного мыла, держите в закрытой стеклянной посуде.

КРИНОЛИН ДЛЯ ЗЕМЛЯНИКИ

Непрерывной деталью наряда средневековой модницы был кринолин — проволочный каркас, который надевали под юбку, чтобы придать ей пышность, воздушность. Если изготовить подобное сооружение для каждого куста земляники, да к тому же натянуть над ними пленку — соберете урожай на две недели раньше! И богаче: ягоды не будут

касаться земли, а это сохранит их от мучнистой росы и серой гнили. Той же цели служит мульчирование почвы под кустами, можно просто прикрыть ее

пленкой или бумагой.

Перед цветением хорошо подкормить землянику, а после — опрыскать настоем горчицы (10 г на литр горячей воды) или древесной золы (300 г на литр воды). Раствор настаивают двое суток, процеживают. Он эффективен также против пилильщиков и огневки на смородине и крыжовнике.

Цветки на смородине фиолетовые, а не зеленые? Вырубайте куст без сожаления, это признак неизлечимого заболевания —

махровости. Некоторые ягоды вздутые, непомерно большие? На куст напал почковый клещ. Такие почки и ягоды выщипните, побеги удалите.

В малинике пора вырезать лишнюю поросль и лишние побеги, у оставшихся — срезать верхушки до хорошей почки. Не стоит загущать посадку — урожай будет ниже.

Для защиты от малинного жука обрабатываем завязи раствором питьевой соды (2 столовые ложки на 10 литров воды).

МОРКОВЬ ВЫБИРАЕТ СОСЕДЕЙ

Петрушку, салат, укроп, шавель, морковь можно сеять, не дожидаясь устойчивого тепла. Редис, горох, свеклу — когда заморозки миновали. А огурцы, тыква, фасоль, на юге — арбузы, дыни, перцы, баклажаны — только когда уже и угрозы их нет. Мел-

кие семена смешайте с песком; если сеете в борозды — закройте их с помощью граблей рыхлой землей, а если вразброс — землей, пропущенной через решето.

Чтобы рациональнее использовать землю, можно совместить посевы: к примеру, посеять через 25 см ряды моркови, а между ними «вселить соседей» —

редис, салат, лук на зеленое перо. Пока морковь даст всходы, уже соберете зеленый урожай! Еще один вариант такой «коммунальной квартиры»: по краям гряды — рассада капуста, а в середине — семена салата.

Как пойдет зеленеть огород, тут и начнут осаду его вредители. Давайте подготовимся к встрече: запа-

семя золой, табачной пылью (ядохимикатами лучше не пользоваться!).

Для подкормки закладываем в 20-ведерную бочку с водой 2—3 ведра коровяка и ведро ошпаренной и процеженной через решето древесной золы, держим под крышкой, добавляя по мере расходования те же компоненты.

Зеленый уголок

Шпинат, щавель, крапива, салат, редис — вот первые подарки весеннего сезона, и надо нам постараться использовать их как можно больше, пока идут они «в охотку» после зимней еды.

ХОРОШИ ЩИ ИЗ МОЛОДОЙ КРАПИВЫ!

Ну, редис и сам по себе хорош и во все салаты годится: с отварными яйцами, зеленым луком, салатом, вареным картофелем и морковью, с яблоками и маринованными огурцами... Заправляют их растительным маслом и уксусом или сметаной, майонезом. Если в доме есть тертый хрен — можно добавить в заправку ложечку, вкус станет пикантнее.

Хороша с редисом МЯСНАЯ ОКРОШКА. Нарезанное кусочками вареное мясо и очищенный, нарезанный дольками редис перемешать. Мелко порезать зеленый лук, слегка посолить и растереть, пока не появится сок. Яйца сварить вкрутую, порубить, смешать со сметаной, добавить зеленый лук, горчицу, сахар, соль, хорошо перемешать, развести квасом, положить в окрошку мясо и редис. Подавать с рубленой зеленью (укроп, петрушка).

На 0,5 л хлебного кваса — 10 редисок, 200 г мяса, половина стакана сметаны, 2 яйца, по 2 столовые ложки рубленого зеленого лука и рубленой зелени, чайная ложечка горчицы, вдвое больше — сахару, соль — по вкусу.

Вместо мяса можно взять отваренные и нарезанные кубиками картофель и морковь — получится вкусная ОВОЩНАЯ ОКРОШКА.

Еще одно любимое всеми весеннее блюдо — ШИ ЗЕЛЕННЫЕ. Варить их можно из шпината, щавеля, кра-

пивы, молодых листьев редиса. Вот некоторые рецепты из бабушкиной старинной поваренной книги: «ЩИ ИЗ МОЛОДОЙ КРАПИВЫ. Мясной бульон (1 литр) подправляется ложкой муки. Затем берут фунт (400 г) молодой, перебранной крапивы, моют, опускают в соленый кипяток, кипятят еще раз-другой, откидывают на

решето, выжимают, мелко рубят, всыпают тотчас в кипящий бульон, варят до мягкости. Щи забелить сметаной, положить горсть рубленой зелени. ШИ ИЗ ЩАВЕЛЯ И ШПИНАТА варятся точно так же. К этим щам подаются варенные вкрутую яйца».

Я, прежде чем заправлять бульон зеленью, делаю так: листики перебираю (стебельки отрываю) и кладу на горячую сковороду с капелькой масла, немного тушу под крышкой. Зелень вся расхлывается, превращается в однородную массу — ни протирать, ни рубить не приходится. Можно сварить зеленые щи и не на бульоне — просто на воде. В таком случае подают их холодными, с половинкой сваренного вкрутую яйца и сметаной.

Из весенней зелени можно приготовить и вторые блюда, к примеру, ШАВЕЛЬ С ЯЙЦАМИ. Перебрать, сварить в соленой воде щавель, откинуть на

дуршлаг, порубить. На сковороде распустить масло или маргарин, потушить нашинкованный репчатый лук до мягкости, добавить щавель, рубленую зелень (укроп, петрушку, кинзу), соль, перемешать, еще потушить, а затем залить взбитыми яйцами, подровнять и подержать на огне до готовности яиц. На 3 стакана щавеля — 4 ложки масла, 3 головки репчатого лука, 2 яйца.

А вот как готовят ЗАПЕКАНКУ ИЗ ШПИНАТА. Шпинат отварить, отжать, пропустить через мясорубку, добавить лимонную кислоту или сок лимона с цедрой, вбить яйца, всыпать сахар и сильно выбить. Отдельно сварить лапшу, откинуть на дур-

шлаг, смешать со шпинатом, добавить масло, разровнять и запечь в духовке. Подавать со сметаной. На 500 г шпината — 2-3 яйца, 2 столовые ложки сахарного песка, 100 г лапши, столовая ложка масла, один лимон или лимонной кислоты на кончике ножа. Собственно говоря, без лимона можно обойтись, дело в том, что шпинат многие не любят за его пресный вкус, а немного кислоты сразу придает блюду своеобразие.

Отлично сочетается молодая зелень с творогом. Давайте-ка приготовим хотя бы ТВОРОЖНУЮ ЗАКУСКУ. Листики салата и шпината переберем, очистим от стебельков, промоем, обсушим и мелко нарежем. Творог посолим, посыпем сахаром, перемешаем и пропустим через мясорубку. Перемешаем творожную массу с рубленой зеленью, выложим горкой на круглое блюдо, сверху сделаем углубление и положим в него сметану.

Края блюда можно украсить листиками салата. На 500 г творога — 100 г зелени, стакан сметаны, соль по вкусу, 2 столовые ложки сахарного песка. Можно и без него: посолить покруче, добавить перец.

А вот для наших сладкоежек: ТВОРОЖНЫЙ ПУДИНГ СО ШПИНАТОМ. В протертый творог добавить яичные желтки, масло, сахар, соль, манную крупу. Массу хорошо перемешать и выбить деревянной лопаткой. Шпинат подготовить, как для закуски, мелко изрубить и смешать с творожной массой, добавить взбитые в пену белки, положить в смазанную маслом и посыпанную толчеными сухарями сковороду или форму. Сровнять поверхность, смазать ее сметаной, посыпать тертым сыром, сбрызнуть маслом и поставить на полчаса в духовку. Готовый пудинг горячим выложить на блюдо, полить маслом, подавать со сметаной. На 500 г творога — 250 г шпината, стакан сметаны, 3 яйца, по 2 столовые ложки сахарного песка, масла, манной крупы и сухарей, четверть стакана тертого сыра, соль — по вкусу.

Надо только помнить, что первая зелень капризная, например, щавель быстро вянет, его нужно использовать сразу, как собрали. То же и со шпинатом, его никак нельзя мыть заранее — испортится! Если уж необходимо сохранить зелень на несколько дней — сбрызните ее водой и держите в холодильнике в полиэтиленовом мешочке.

Казалось бы, похожи шпинат и щавель, а тушить их вместе нельзя — приобретут некрасивый цвет, грубый вкус. А как сохранить изумрудно-зеленый цвет блюд из шпината? Надо варить его 7-10 минут в открытой посуде в большом количестве подсоленной кипящей воды (3-4 литра на килограмм шпината).

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА.

В оформлении «Хозяюшки» принимали участие художники Е. НОВИКОВА и С. БОГАЧЕВ.

**отсутствуют
страницы 7-8
приложения
Хозяюшка**

**отсутствуют
страницы 7-8
приложения
Хозяюшка**

Читательские отклики, поступившие в редакцию, высветили серьезные «болезни» сельского магазина. Он «болен» пустыми полками, несвоевременной доставкой товаров, недостатком необходимых помещений, нехваткой кадров продавцов... Положение на потребительском рынке, подчеркивалось на февральском Пленуме ЦК КПСС, остается напряженным, платежеспособный спрос населения не удовлетворяется. Одним словом, проблем в торговле на селе много. Вот, к примеру, такая: затоваривание неходовыми и залежалыми товарами.

«Как известно,— написала С. Давиденко из Шосткинского района Сумской области,— все стремятся одеться модно. На этом фоне странным выглядит желание нашей сельской торговли одеть своих покупателей в стиле «ретро». Ну, скажем, по моде 50—60-х годов... Только не путайте это с поисками художников-модельеров, чья творческая фантазия нередко питается удачными идеями прошлых лет. Увы, имеются в виду вполне конкретные пальто, платья, кофты, туфли, ботинки, выпущенные в годы пресловутого «вала», которые затоварили склады и подсобные помещения сельских магазинов Сумской области».

Вот такое сердитое письмо. Все пишут о нехватке товаров, а на Сумщине, оказывается, некуда деться от их «изобилия».

Первое же знакомство с магазином «Промтовары» в селе Слоут Глуховского района убедило в этом.

Небольшой этот типовой магазин расположен на бойком месте, вдоль трассы Сумы—Шостка. 16 лет назад пришла сюда продавцом Мария Петровна Задко. Честь по чести передали ей во владение товары на 129 тысяч рублей. Каждую почти вещь предъявляли по накладной и, так сказать, в наличии.

— А вот это,— кивнула Мария Петровна в сторону больших ящиков в подсобке,— скажи, лучше не трогать. А то моль заведется. Хоть и старье, даром никто не возьмет, все

же товар по описи. Случись ревизия или пожар, с тебя спросят, как за новый. Вот и сторожу эти ящики, в них «добра» на 25 тысяч рублей.

Мария Петровна достала со дна необъятного ящика связку пожухлых, съездившихся от времени воротников из черного каракуля, взмахнула пыльным букетом блеклых от времени косынок из крепдежета (такую носила на плечах героиня Веры Васильевой в популярном фильме 50-х годов «Свадьба с приданым»), стукнула в сердцах тяжелой штукой выцветшего китайского крепдешина, выпущенного, если верить этикетке, до «культурной революции» в этой стране.

Время от времени, пересчитывая, перетряхивая это «богатство», Мария Петровна в торговый зал его все же не выносит. Совестно. Разве что ткани. Если у полки с почти истлевшим крепдешином или шерстью останавливается покупатель, Мария Петровна вся напрягается. В ней борются два чувства: желание освободить подсобку от хлама, за который несет материальную ответственность, и стыд— ведь продавать она вынуждена заведомую ветошь!

И такая картина во многих сельских магазинах области. Подобное затоваривание осложняет проблему с кадрами: кому хочется брать сомнительную ответственность на себя?

Год назад в колхозе «Прогресс» Шосткинского района с трудом уговорили двух Татьян— Бердникову и Стрюк— принять магазин промтоваров. Согласились они лишь с одним условием— списать залежалые товары. А было их на 30 тысяч рублей. В райпотребсоюзе за голову схватились: это же треть лимитов, отпущенных на уценку! Но были вынуждены принять условие— не закрывать же магазин. Он торгует одеждой, бельем, трикотажем, обувью, галантерией, парфюмерией. За каждой мелочью не наездишься в Шостку за 20 километров.

В книге заказов магазина, как в зеркале, отражен покупательский спрос. Что нужно сегодня сельчанам? Пальто с песцом, пальто-плащевка, плащ светлый, свободный...

На межрайонную базу Татьяна Бердникова или Татьяна Стрюк едут с конкретной просьбой-заявкой, а берут за-

Невостребованный крепдешин

В 10-м номере «Крестьянки» за прошлый год было опубликовано письмо члена женсовета совхоза имени Ленина Красноармейского района Куйбышевской области Людмилы Черкасовой об организации торговли на селе.

частую то, что дают. Например, в заявке записано: «сто пар женских сапог». На базе дают лишь пятьдесят и предлагают столько же пар мужских туфель. Чтобы сапоги «не ушли», любой продавец берет и ненужные туфли— а вдруг разойдутся? Часть их и вправду расходуется, но многие остаются на полке. В итоге неизбежное затоваривание.

Такая практика обеспечения сельского магазина сложилась давно. Много лет торговля, чтобы освоить отпущенные фонды, брала все подряд, а не то, что требовалось. Продолжается это и доньше. Года четыре назад всюду ввели сезонные распродажи, ярмарки. Однако хорошее это дело постепенно пошло на убыль. Неходовых товаров скопилось слишком много, потому что промышленность, к сожалению, все еще не сильно поспешает за модой.

И сегодня не только в сельском магазине, но и в столичном ГУМе можно встретить кофточку позапрошлого года выпуска, которая вопреки всем правилам продается без всякой уценки.

Продавцы заметили: покупатель не спешит, как раньше, раскрывать свой кошелек у прилавка. Да и кому, согласитесь, охота выбрасывать деньги (и подчас немалые) за кофточку, которая отстала от капризов моды. А вот уцененная вдвое, она бы не залежалась! Увы, в результате бесхозяйственности в сельских магазинах Сумской области залежалось неходовых товаров на сумму более 2,7 миллиона рублей.

Что теперь с ними делать? Списывать, одним махом расправиться с огромными затратами ценного сырья и человеческого труда? По-хозяйски ли это? Куда более гибкой кажется система своевременной уценки. Не такой, когда 30-рублевая ткань шумно объявляется уцененной аж на целый рубль, а с учетом реально продажной цены.

Помните сапоги-чулки, модные несколько лет назад? По цене 60—70 рублей они появились в продаже, когда спрос на них уже начал падать. Но их упорно не уценяли. Наконец, спрос упал окончательно. Тысячи пар сапог вернулись на склады невостребованными. А недавно я видела эти «чулки» в отделе уцененной обуви одного из магазинов стоимостью всего за рубль. Боюсь, что их не купят уже и за эту цену. Не зря одна сердобольная пенсионерка, сочувственно взглянув на рублевый ценник, сказала: «Лучше бы перчаток из голенищ нашили».

Этот пример лишний раз доказывает: уценка, хоть и вынужденная, но сделанная в срок, выгодна и покупателю, и торговле. Так почему же мы так бесхозяйственны?

— Средства на уценку надо заработать, а как? Торговать-то нечем,— сказал в разговоре со мной заместитель председателя правления Сумского облпотребсоюза Н. И. Таран.— Судите сами. Швейники недопоставили изделий на 8,6 миллиона рублей, обувщики— на 1,5 миллиона... Сказывается и ведомственный подход к распределению фондов и поставке товаров. Областное управление торговли относится к сельскому покупателю как к пасынку. Вроде и заботится о нем, но не как о родном сыне. К примеру, в прошлом году республиканская фирма «Одяг» поставила в торговле трикотажных изделий значительно больше плана, а заявки потребкооперации обеспечила только на 80 процентов. И так во всех поставках, за что ни возмись.

Выходит, сельский магазин беднее городского как бы на незаконных некоторыми ведомствами основаниях? Тут есть над чем задуматься.

В условиях самофинансирования и самокупаемости, в которых одними из первых на Украине стали работать сумские кооператоры, старая формула «товар— деньги—

товар» приобретает новое содержание.

Магазину, как и раньше, дается план на определенную сумму, но теперь кооператорам будет трудно сослаться на то, что «нет товара, нет и плана». Хозрасчет заставит проявить инициативу и предприимчивость. Не продали пальто и платья в срок? Не закидывайте их на полку подальше, а верните на базу, наверняка в других местах их ищут. Не нравится предложенный базой ассортимент — не берите. Покупатели просят модные сапоги, костюмы, кофточки, а их мало? Закупайте на стороне, налаживайте контакты с предприятиями. Выручат межрайонные и межобластные ярмарки, на которые, кстати, можно вывезти и свои, не нашедшие покупателя товары. Арифметика проста: увеличится количество проданных товаров — появится прибыль, которой можно распорядиться по собственному усмотрению, в том числе и «пустить» ее на уценку.

При такой организации торговли на селе в магазине, где работают Татьяна Бердникова и Татьяна Стрюк, залежей на полках не будет. Они просто не смогут скопиться. Но что делать таким, как Мария Петровна Задко, вынужденная охранять десятилетиями копившийся хлам, некогда бывший товаром?

Проявить решительность, расстаться с ним, и поскорее. Часть товаров, пришедших в полную негодность, очевидно, придется все же списать. А остальное — те же воротники из искусственного меха, одежду, в особенности ткани, — пустить в продажу по минимальной цене. Спрос найдется. У хорошей, бережливой хозяйки все пойдет впрок. Из старого меха в умелых руках выйдут отличные тапочки, из дешевого платья — новая юбка для малышки, из лежального крепдешина или шелка ловкая мастерица сошьет кухонные шторы. Да мало ли что! Главное, освободятся наконец от затоваривания сельские магазины и без большой брешки в кошельке получит выгоду покупатель.

Сельским кооператорам, перешедшим на работу в условиях хозрасчета, выход подсказывает сама жизнь. Дело за инициативой.

Нелли ПРОТОРСКАЯ
Сумская область.

Обновление, которое началось в нашем обществе, требует личного участия, конкретных действий каждого коммуниста, каждого гражданина. От всех нас зависит исход перестройки, день сегодняшний и будущий.

Мы хотим рассказать о Халиме Розыбаевой, которую убили те, кому мешали бескомпромиссность, честность и мужество этой женщины.

Мешали издеваться над людьми, глумиться над законом. Халима Розыбаева погибла на передовой перестройки.

Вот уже полгода прошло, как сообщила об этом «Правда». А письма от наших читателей все идут и идут. Как могло случиться такое? Как нашла в себе силы женщина противостоять столь активному злу? Попробуем ответить на эти вопросы...

НАМ ЕСТЬ

***

Атахан ждал долго. Машину прокалило июльским солнцем, и даже быстро упавшая темнота не охладила ее. Наконец увидел, как Халима распахнула стеклянные двери здания обкома партии, быстро зашагала по улице.

Метров двести он медленно ехал вслед за ней, потом нагнал и, резко затормозив, распахнул дверцу. Халима секунду застыло смотрела на него, будто не узнавая, а узнав, просяла.

— Пугаешь, Атахан, — сказала не то шутя, не то утвердительно, садясь в машину. — Тысячу лет тебя не видела. Как дома? Жена здорова?

— Не о нас разговор, Халима. Нехорошие слухи ходят. Была в Керках? Ты в своем уме? Кого хочешь за горло взять, знаешь?

— Знаю.

Атахан закружил по опустевшим улицам Чарджоу, даже в этот ранний вечерний час они казались вымершими.

— Ты как будто погони боишься, — усмехнулась Халима.

Он остановил машину у обочины, погасил фары.

— Если овца отбивается от стада, ее режет волк. — Атахан повернулся к ней. Голос старого друга был почти умоляющим: — Халимаша, оставь все это, выходи замуж. Роди мальчишку, сколько можно чужих детей ла-

скасть? Где тот парень, который летал в Ташкент за цветами для тебя?

— Еще слово о нем, Атахан, и я выскочу из машины, — всерьез разозлилась она, как злилась всегда, когда друзья решались говорить с ней на эту тему.

— Да не о нем я, о тебе.

— Так ты из-за этого меня и поджидал? Предостеречь хотел? Брось, ничего они со мной не сделают!

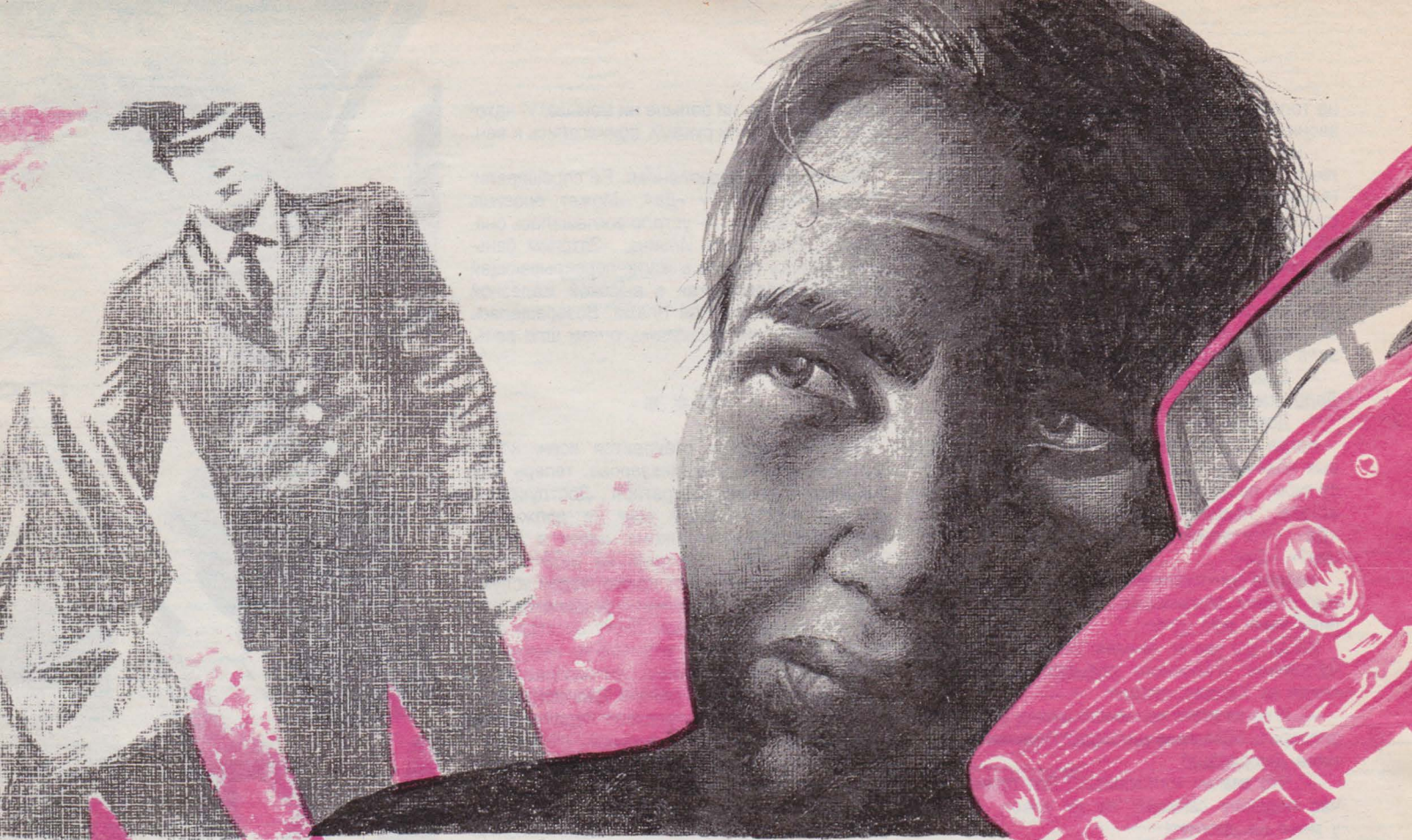
***

«Уважаемый Алексей Игнатьевич! — писала Халима прокурору республики. — Признаюсь, я не понимала всей серьезности положения в городе, и только чувство долга, совесть коммуниста заставили меня пойти на этот шаг — занять должность прокурора города.

Сейчас я думаю, честное слово, как не правы и недалековидны те, кто стремится на эту должность. Работа адова, за полтора года не было и нет личной жизни.

У меня сложилось твердое убеждение в неблагоприятном положении в милиции. Многие вызывает сомнения, раздумья, зачастую неверие в работу милиции по расследуемым делам: часто устанавливаются факты вынесения необоснованных постановлений о приостановлении дел, странная волокита, нарушения Уголовно-процессуального кодекса

ЧТО ТЕРЯТЬ...

ТССР, которые можно принять и за умышленные... Уже выяснились факты злоупотреблений и нарушений работниками уголовного розыска и следственного отдела. Возбуждены уголовные дела. Но возбуждение этих дел практически ведет к тому, что вызываем огонь на себя...

* * *

Халиму нашли задушенной в ее собственной квартире. Она уже не была прокурором города Чарджоу. Два года как перешла работать в обком партии, инструктором отдела административных органов.

Кое-кто считал ее карьеристкой. Она, кстати, никогда не скрывала и не стеснялась того, что упорно стремилась быть впереди, брать на себя больше. Работая в областном отделе юстиции, просила перевести ее в областную прокуратуру. Даже написала заявление, наивное по своей простоте, но убедительное по сути, доказывала, что готова и может сделать больше, знает обстановку в области, знает, кто есть кто.

— Зачем это туркменке? — говорили в глаза, вокруг и за спиной. — Ей надо оставаться такой, какой была женщина испокон веков: служить семье, очагу и мужу. Так-то лучше, так проще и надежнее...

Но как соотносить это с чувством человеческого достоинства? И чего то достоинство стоит, если, видя вокруг себя несправедливость,

боль и унижения, ничего не делаешь? Чего оно тогда стоит, твое достоинство, если, видя зло, не противишься ему?

«Не хо-чу!» Не знаящим характера тех женщин, их образа жизни и темперамента, трудно представить всю полноту, силу и звучность этого «не хочу!», если оно созревает окончательно. К незнающим отношу и себя, но пытаюсь понять, представить, сколько отчаянного мужества надо было иметь первой женщине, бросившей в огонь паранджу. А сколько отваги понадобилось Халиме, вступившей в борьбу уже не только за себя, но за реальную социальную справедливость для всех на ее улице детства, в ее городе, на ее земле...

Она решила для себя главное. Нельзя оставаться в полуделе, в полуправде. Иначе победят те, кто потихоньку, но годами и упорно строил свое благополучие на клановости и круговой поруке, на лжи и преступлениях. Они просто так не отдадут своего, им есть что терять.

— Нам тоже есть что терять, — отвечала Халима тем, кто предостерегал ее. — Больше, чем им. Если мы им уступим, то просто погибнем...

* * *

Керки. История этого городка на южной нашей границе насчитывает несколько сотен лет. Сюда и послали Халиму после универси-

тета на должность помощника прокурора.

...В тот воскресный день она приехала в Дарган-Ата, соседний отдаленный район области, по просьбе тоненькой, нежной Марал Розметовой, секретаря райкома комсомола. Приехала в выходной день детишек поучить — ведь была в прошлом чемпионкой республики по шахматам. Но Марал было не до шахмат. Пропала одиннадцатилетняя девочка. Не в первый раз она исчезала на сутки и больше. Возвращалась оступевшая, ничего не воспринимающая. Наркотики.

Уже в сумерки они нашли девочку в заброшенной хижине. Несколько человек — мужчины, женщины, подростки — полулежали, полусидели в забытии. Халима рванулась вызвать милицию.

— Какой смысл, — неожиданно тоскливо сказала Марал. — После их приезда торговцы делают еще нахальнее. Ведь им ничего не бывает...

Что значило все это для Халимы, совсем недавно работавшей пионервожатой в «Артеке», видевшей другое детство и другую жизнь? Для Халимы, непреклонно верящей в то, что ее дело — защищать человека? Тогда еще она не могла допустить мысли, что люди одной с ней профессии сами торгуют наркотиками. Но то, что покрывают торговцев, — очевидно. И она не могла с этим мириться.

«Халима, скажи, зачем тебе это нужно? Живи спокойно». Об этом, заклиная, говорили

не только друзья. Но и враги, которые ночами звонили ей.

...На стол положили дело, по которому Халима должна была дать санкцию на арест. Ничего вроде бы сомнений не вызывало: преступление совершено, и есть прямые доказательства виновности преступника. Но... преступник несовершеннолетний, только что отбыл наказание за первое правонарушение и тут же совершил второе. Мальчишка-недоумок или вконец испорченный человек? Она приказала доставить мальчика.

— Зачем? — пытались возразить ей. — Дело ясное.

— Доставьте.

Когда привели, увидела распухшее, в багровых подтеках лицо. Еле разжимая запекшиеся губы, прошептал что-то невнятное. Халима встала, подошла поближе. «Тебя били?» «Да». «На улице?» «Нет». «Здесь, в милиции?» «Да».

Халима приказала немедленно провести очную ставку. Мальчишка опознал троих: «Они били меня всю ночь».

Когда его увели, Аннаев, бывший тогда начальником уголовного розыска, недоуменно глядя на Халиму, сказал:

— И из-за этого конченого щенка вы хотите опозорить офицеров милиции? Подумайте, Халима Джораевна!

— Что значит «опозорить»? Вот прямо сейчас подпишу санкцию на их арест, и рука у меня не дрогнет!

Эти и другие работники милиции, а позже сам Аннаев будут осуждены за недозволенные действия, а также за вооруженный разбой, а также за укрывательство преступления, а также за взятки.

Халима использует данную ей власть во имя правого суда. Не спрашивая себя: «Зачем мне это нужно?»

Нужно, чтобы дышать чистым воздухом...

***

Анонимки на Халиму, полные угроз и самой грязной клеветы, шли постоянно с того момента, как она стала прокурором города. Особенно когда вела крупные дела или предполагалось ее повышение по службе.

Чарджоуский обком партии — в ЦК Компартии Туркмении: «...анонимки на Розыбаеву Х. Д. с клеветническими измышлениями и угрозами физического уничтожения связаны с тем, что с июня 1983 года, находясь на посту прокурора города Чарджоу, по ее инициативе за различные преступления были наказаны в дисциплинарном порядке, уволены из органов милиции, а также привлечены к уголовной ответственности и осуждены десятки работников органов внутренних дел».

Даже тогда, когда Халима уже прочно обосновалась в Чарджоу, когда дел было невпроворот, все равно в Керки ее тянуло. Здесь оставались друзья, в доме которых она с первого дня знакомства чувствовала себя родной. Семью старого учителя истории, Владимира Ильича Аксенова, в Керках знают все. Мало кто не бывал в небольшом дворике, вечно завешанном детскими колготками, на «пяточке» под виноградной лозой перед всегда открытыми дверями в дом. Сразу и не поймешь, кто здесь гость, а кто хозяин, чего больше — книг или детских игрушек.

Приедет Халима, бывало, налетит, как стихия, в минуту затолкает в машину всех, кто свободен, потащит в горы искать следы дино-

завров. Вот так, ни больше ни меньше! И находили ведь, трогали руками, прикасались к вещности...

Приезжала и подавленная. Ее спрашивали: «Плохо, Халимаша?» «Да». «Может, бросишь все это?» «Брошу». — устало соглашалась она. Просила Владимира Ильича: «Затопим баньку?» Подолгу сидела в жаре, перекрывающей дневную, глядела, как в высокой железной печке мечется желтое пламя. Возвращалась и объявляла уже забывшим, о чем шла речь, друзьям: «Не уйду!»

***

Говорят, человек становится ясен, когда получает власть. Худайназарова, теперь уже бывшего первого секретаря Достлукского райкома партии, знали еще на должности председателя райисполкома: царек в своем мире, хан, хозяин, который не видит и не допускает к себе никого, кроме людей услужливых, способных выполнить безропотно любой его приказ. На новом посту он стал еще наглее. С неугодными, хоть что-то знающими о нем и его приближенных, он справлялся с помощью прокурора района Джамартова.

За три года своего «ханства» Худайназаров стал настолько одиозной фигурой, что его все-таки сняли с поста. Однако при нем остался партийный билет, ордена и медали.

Дело на Худайназарова и Джамартова было возбуждено по докладной и представлению Халимы. В то время она уже работала инструктором отдела административных органов обкома партии.

Многие расценили ее уход с поста прокурора города как поражение. Халима так не считала, хотя уходила с любимой работы, которая если и шла трудно, порой становясь опасной, но начала уже приносить плоды — очищение. То, к чему Халима и стремилась. В новой должности она видела возможности борьбы с коррупцией уже в масштабах всей области. Эти масштабы казались по плечу: ведь и в обком партии, и в правоохранительные органы пришли люди, понимающие необходимость борьбы, способные на нее. Для этой борьбы нужны были люди с репутацией, которая была у Халимы: честна, неподкупна, принципиальна и, главное, готова биться за правду до конца.

Основной поддержкой для Халимы стал Виктор Николаевич Ребрик, второй секретарь обкома. Они были единомышленниками в главном: прежде, чем начать настоящие наступление на преступность, надо освободиться от преступников в самих правоохранительных органах, от тех, кто дискредитирует партию.

Худайназаров был осужден. Джамартов снят с работы. Халима знала, сколько врагов нажила себе в этом нашумевшем деле.

Но люди видели, с торжеством понимали — время обновления пришло! Они поверили: местные «царьки» не всесильны, надо только жить по законам, которые есть, которые существуют, а если их попирают, то набраться мужества и открыто вступить в бой. Каждому сделать то, что по силам. Люди как бы пробудились, заговорили, еще вполголоса — но заговорили! — после процессов над работниками милиции, над Худайназаровым.

Не в одночасье пришло пробуждение. Молва быстра, но выводы люди делают неспешно. А если уж сделали, если пришли, пусть пока еще робко, но пришли на сторону правды, на

сторону таких, как Халима, — это уже победа! И эту победу нужно закреплять каждый день, каждым своим шагом, каждым действием. Не потому ли рванулась Халима в Керки, когда оттуда пришло письмо с мольбой о помощи: «Помогите найти правду! Пока сама прокурор района берет взятки, справедливости не будет!»

***

...Халима и Айгуль Джелбарова, прокурор Керкинского района, глядели друг на друга через улицу. Халима была близорука, и вряд ли она видела ненавидящий, темный взгляд Джелбаровой, которая медленно и гордо шла к своему дому. Они знали друг друга много лет и всегда не любили друг друга. Будто предчувствовали, что дороги их пересекутся. И вот пересеклись.

— Ты что, Халима, приехала и не заходишь? — удивилась давняя знакомая, случайно выглянув в окно летней кухоньки.

— Некогда, — рассеянно ответила Халима и пошла к машине. Но, что-то надумав, быстро вернулась и непонятно проговорила:

— Если со мной что-нибудь случится, скажите, чтобы искали здесь, в Керках...

Джелбаровой было за что ненавидеть Халиму. Если бы прибыл кто-то из областной прокуратуры, а то ведь сама приехала разбираться с жалобой и, конечно, нашла тех, кто давал Джелбаровой взятку, убедилась дать откровенные показания: Халиму здесь знали, ей поверили. Когда же основного свидетеля, посредника во взятке Хамранияз Рахманову нашли в петле, опять примчалась Халима. Сказала: «В самоубийство ни за что не поверю!»

СЛУЖБА ДЛЯ ЖЕНЫ

Где обычно приходится служить молодому офицеру? Как правило, в небольших гарнизонах, а они далеко от столичных проспектов. Маленький поселок для большинства семей военных становится первым общим домом. Осваиваться на новом месте, обживать, создавать «из ничего» уют — удел офицерской жены. Но трудностей не только в этом.

О. Федорова шесть лет назад приехала с мужем в один из гарнизонов Балтийского флота. Работы по специальности техника-электрика не нашлось. Как и многие другие женщины, устроилась на комбинат в соседнем поселке, но очень далеко было добираться, и поэтому, когда родился ребенок, пришлось работу бросить.

М. Кулик, жена офицера-политработника, сменила несколько гарнизонов. И тоже не раз прерывался трудовой стаж: в семье двое детей.

Сегодня и О. Федорова, и М. Кулик получили работу рядом с домом. И та, и другая, и еще десятки женщин трудятся в филиалах швейного объединения, созданных в двух крупнейших гарнизонных поселках.

В одном поселке идея создать такой филиал принадлежала женсовету гарнизона, и в первую очередь возглавлявшей его Е. Минчинской. Помогло и руководство гарнизона, выделив помещение бывшего книжного магазина.

Как только швейное предприятие снабдило необходимым оборудованием, начали осваивать новую профессию. Учились сами, помогали подругам, и уже в первый месяц выпустили 700 пар брюк. Сейчас в цехе шьют мужские сорочки: ежемесячно в среднем 5 700 изделий.

В другом гарнизоне «стаж» филиала швейного объединения — несколько месяцев. Взялись за его создание депутат поселкового Совета народных депутатов В. Жуков и жены военнослужащих. Получили небольшое помещение. Девять человек разместились в цехе, остальные трудятся на дому.

Трудностей и нерешенных проблем немало, однако дело начато перспективное. Но для того, чтобы оно не заглохло, нужны помощь и внимание не только политработников и активисток женсоветов гарнизонов. Найти помещение, договориться с предприятием, позаботиться об условиях работы — во всем этом могут посодействовать и местные Советы народных депутатов, и члены женсоветов. Ведомственным барьерам тут не место.

Н. НАУМОВА,
корреспондент газеты
«Страж Балтики».

И теперь Айгуль Джеббаровой, районному прокурору, жене полковника внутренней службы Солтанова, предъявили официально обвинение во взяточничестве. О самом Солтанове говорят: «Темная личность». Но почему? Ведь Солтанов несколько лет был начальником ОБХСС, затем начальником уголовного розыска. Потом на некоторое время он уезжает в соседнюю Марыйскую область — и там, говорят, стал большим человеком!

Вот он опять в Чарджоу, люди видят его в полковничьих погонах, он все более агрессивен, не скрывает своих связей с уголовниками, воздух вокруг него заряжен опасностью. И даже то, что слухи о взятках и преступлениях, которыми он обвешан, никто не опровергает, играет ему на руку. Его боятся, ему подчиняются. И уже появление Солтанова в любой должности, где бы то ни было, само присутствие его, само существование растворяет веру в справедливость, в неминуемое наказание зла.

Не случай так тесно свел Халиму и Солтанова. Рано или поздно они должны были встретиться, столкнуться не на жизнь, а на смерть, это бесспорно. Потому что столкнулись не просто люди — столкнулись два мировоззрения.

«Халима, ты знаешь, кого за глотку берешь?» — спрашивал ее старый друг Атахан. Знала, конечно, знала...

* * *

И Алты Худайкулов знал, кого он убивает, и догадывался почему. Хотя делал эту работу по найму: тысяча рублей задаток, тысяча — по исполнению.

На убийство он взял с собой Чары Шамыева, парня с круглыми, бледно-голубыми овечьими глазами. Заторможенного и ко всему безразличного. Третий остался на улице, в машине. Еще несколько минут назад Чары не знал, зачем он идет в этот дом. Шел по приказу «сверхчеловека», которому хотелось подражать... Уже смутно понимая, что он сделал, кем стал, беспомощно припал к двери.

— Хватай шмотки, тебе говорят! — приказал Худайкулов. А сам упорно что-то искал, перерывал бумаги, отшвыривал их в сторону, опять искал...

Чары Шамыев позже поймет, кого помогал убивать. Однажды он проснется в своей одиночной камере и начнет писать стихи... В честь Халимы.

* * *

На следующий день после убийства Алты Худайкулов, этот «сверхчеловек», этот наемный убийца, будет переходить железнодорожный мост. Спокойно и неспешно. Вдруг вспомнит, что вот-вот должен отойти последний автобус. Рванется и услышит — или ему покажется? — как у затылка просвистит пуля. Неожиданный рывок спасет ему жизнь, но она замечется в нем, как загнанный до смерти заяц. Все? Конец? Сделал свое дело — и исчезает? На размышления ему хватит суток.

В день похорон Халимы сожительница Худайкулова будет сидеть напротив следователя и рассказывать. Много рассказывать. Но вот главное: «Розыбаеву убили Алты Худайкулов. По приказу полковника милиции Солтанова, мужа Джеббаровой. Если бы не убили Худайкулов, убрали бы его. И сейчас хотят

убрать. Возьмите его. Вот магнитофонная пленка, это он послал меня. Я боюсь его и боюсь за него. Но местным он не сдастся...»

Главным и единственным мотивом организации убийства Халимы Розыбаевой Солтанов назовет месть за жену. «Она рыщет по всей округе, собирает материалы на твою мать. Она решила подвести ее под расстрел», — будет убеждать он сына. И уговорит принять участие в убийстве. Чтобы самому остаться в стороне.

* * *

Халима Розыбаева за две недели до гибели закончила подготовку документов на бюро обкома партии. Пятнадцатилетняя практика юриста, уже обретенный опыт партийного работника, честность и долг коммуниста помогли ей собрать такой материал, из которого бюро обкома сделает вывод: «...работники правоохранительных органов встали на путь сращивания с преступными элементами, занимались вымогательством, мошенничеством, торговлей наркотиками, ущемляли права граждан». Будут названы имена тех, кто стоял за всем этим.

...Халима знала, что расправа готовится. За день до убийства сказала своему непосредственному начальнику:

— Меня хотят убить.

Потом, подумав, махнула рукой: «Ерунда это. Мало ли меня пугали...»

Убийцы поднимались к ней на второй этаж уже в этот вечер. Но услышали за дверью голоса. У нее были гости. Назавтра, так же поздно, Байрам, старший сын Солтанова, опять остановит машину у подъезда Халимы. Двое, Алты Худайкулов и Чары Шамыев, позвонят в дверь...

* * *

Кладбище в тринадцати километрах от Чарджоу напоминает каменный чашокол. Будто истонченные временем белые скалы устремились в вечность. Холмик на могиле Халимы слегка расползся, его поддерживает большой портрет, поставленный прямо на землю. Под ним — маленькая синтетическая елочка и крошечный Дед Мороз. Их принес младший сын Атахана — семилетний Эльдар.

— Однажды Халима привезла для него из Чехословакии конструктор. Половину обменных денег на игрушки просадила, — почему-то вспоминает Атахан. — Я сделаю такой памятник, что ни один человек мимо не пройдет. Здесь будет белая плита, на ней — раскрытая книга. А по бокам — два горящих сердца. Они будут гореть день и ночь. Я знаю, как это сделать.

— Зачем два, Атахан? У нее было одно сердце.

— Одно, верно, одно. Но второе — пусть будет наше.

Недавно в Чарджоу состоялся суд. А. Худайкулов приговорен к высшей мере наказания, Ч. Шамыев — к пятнадцати годам лишения свободы, Х. Солтанов — к пятнадцати, его сын Б. Солтанов — к десяти годам лишения свободы.

Но точку ставить рано. Не все преступные нити распутаны. Пример Халимы, ее бескомпромиссность и честность, безоглядное служение справедливости всколыхнули людей. Борьба продолжается...

Наталья ГОРШКОВА
Туркменская ССР.

ТОЛЬКО РЕЧКУ ПЕРЕЙТИ...

(Окончание.
Начало на стр. 2.)

Когда я узнала, что от нашего района делегатом на съезд колхозников выбрали меня, почувствовала вину перед отцом. Ведь себя я его ученицей считаю. Правда, в последнее время мы по многим показателям слегка обошли «Россию»: и по зерну урожай у нас выше, и по сахарной свекле. И надои более высокие. Не чернавские отстали, пятницык подтянулись...

В себя поверить, силу свою почувствовать — это ведь главное в перестройке, этого прежде всего и ждет от нас партия.

Отец как коллеге пожал мне руку, потом обнял и сказал:

— Все правильно, дочка. Мы сделали, что могли. Может, не всегда умели острые камни обходить, случалось, ломались лемеха. Трудное поле досталось нашему поколению! И твоему деду не легче было. Но от земли не оторвались, чести не уронили. А теперь ваше время наступило!

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Всюду успевает председатель колхоза «1 Мая»: и на посиделках с бабушками вяжет, и в жюри колхозного конкурса мод заседает. Но особое удовольствие для Галины Васильевны — заглянуть в кузницу на огонек...

В подмосковном Раменском районе девять из шестнадцати хозяйств получают по пяти и более тысяч килограммов молока от коровы. А в совхозе имени Тельмана — чуть больше четырех тысяч. В агрокомбинате «Раменский» директору совхоза Н. В. Майстату по этому поводу сказали коротко: «Наверстывайте!» Вот и призадумался Николай Владимирович: как же догнать-то? Есть над чем поломать голову. Хотя в общем-то суть проблемы ясна: специалисты в один голос утверждают, что кормить и доить коров в совхозе научились, а вот телочки, пополняющие дойное стадо, не всегда «на уровне». Надо бы их самим выращивать, да рабочих не хватает.

Вот над тем, где взять эти руки, и размышлял директор, когда к нему вошли работник совхоза Елена Малихонова и ее муж Владимир Смирнов: предложили заключить договор на выращивание телочек. То есть решили взять семейный подряд.

Решение свое объяснили так: семья большая, хотелось бы подзаработать, на ноги встать. А работы они не боятся. Для начала согласны взять двадцать телочек...

Директор показал супругам заброшенный телятник: «Вот ваша резиденция. Обживайте». Внимательно оглядели стены, окна: немало придется повозиться с этой «резиденцией». Впрочем, им помогали. Директор начинал свой день с семейного телятника, специалисты не скупилась на советы.

Работая вручную — вилами, корзинами и ведрами, — Елена и Владимир поняли, что так они с обязательствами не справятся. Нужна специальная техника. А где ее взять, если не только в совхозе — в районе нет? И, накормив, напоив телят, отправилась Елена на переговоры с областными организациями. То, что легче было сделать (но ведь не сделали) в АПК, приходилось «пробивать» самой. Нашлись и обогреватели, и односторонний кормораздатчик, и шнеки для очистки дворов.

Ветхое помещение — тоже убыток: если дует из угла, телке требуется больше корма. И животное заболеть может. Строители залатали дыры — да, прямо скажем, небрежно, кое-как: они-то работали по-старому. Привычно пообещали переделать каки-нибудь после, устранить недоделки.

— За чей счет? — спросила Елена.

Поворчали, но сделали как надо. Удивлялись: никогда еще бригада не работала с такими привередами. А как иначе? И размеры поилок, и высота потолка, и толщина стен — все в конечном итоге на себестоимость сказывается.

Или взять учет. Есть у Малихоновой и Смирнова чековая книжка контроля затрат. За свет, за воду, за корма они платят, но платить «за воздух» (то есть ни за что) никак не соглашаются. Вот корма: мерить их принято тоннами, а Малихонова норовит высчитать в килограммах, добела раскаляя бригадиров.

— Сколько силоса в этой тележке? — упрямо интересуется Елена.

— Столько, сколько положено на условную голову по расчету, — отвечают ей. — И вообще, мы не в аптеке.

Раздражается бригадир, и невдомек ему, что у семьи просто другой порог экономической чувствительности.

**ХОЗЯЙСТВОВАТЬ — ЭКОНОМНО,
РАСХОДОВАТЬ — БЕРЕЖЛИВО**

**«Что мы выиграли?
Денег побольше?
Да нет, дело не только в этом.
А вот самостоятельность —
нам по душе!»**

У семьи своя бухгалтерия

Себестоимость центнера привеса в семейном телятнике уже через полгода составила 128 рублей. По совхозу — около 300.

Начали, как вы помните, с 20 телочек. Через месяц их стало 126, через полгода — 263.

Почему же семья сумела решить ключевую задачу экономики — создала, и довольно быстро, противозатратный механизм? Да потому, считает Елена, что семейный подряд поставил личную заинтересованность на службу общественному делу, создал ситуацию, когда снижение затрат стало экономической необходимостью.

Ну, а что имеет семья от того, что экономно выращивает телок, по всем правилам зоотехнической науки, дает хорошее пополнение дойного стада?

Аванс — 420 рублей в месяц на двоих. Больше, конечно, чем получали на прежней работе, но и не особенно густо: в семье трое детей, едва хватает. Конечно, в конце

года будет перерасчет. Хочется думать, что семья внакладе не останется — по крайней мере Елена и Владимир на это надеются.

Но есть и иная «бухгалтерия». В семье трое второклашек. Как ни заняты родители, мама находит время возить дочку в музыкальную школу в соседний совхоз, а папа — заниматься с сыновьями спортом (он профессиональный тренер). Дети тоже включены в семейный подряд: каждый толком объяснит про кормодни, расскажет, как трудно с опилками, как папа ездил за ними в Москву, как бабушка Зоя из далекого южного села Виноградное шлет теплые носки, чтобы семейный подряд не замерз. Дети знают, как устают родители, стараются сами делать все по дому, а вечерами устраивают концерты: Альбина на скрипке играет, Тимур и Аслан танцуют. Это тоже их вклад в семейный подряд.

Татьяна ЛУЧКОВА
Московская область.
Фото В. АНДРЕЕВА.

Тутешествование в пла

Я остановилась у зеркала и задумалась. На меня смотрела еще достаточно молодая, но, увы, уже не юная женщина... Конечно, можно еще лет десять в брючках «пробежать» — удобно, что и говорить! Но есть ли у меня свой образ, стиль, ведь я, в сущности, себя не знаю.

Тяжелый шкаф

Я открыла платяной шкаф, вынула самый мой любимый красный костюм и стала подбирать к нему дополнения: желтый пояс — нет, красный — теряется, сиреневый — возможно... А что, если примерить берет?

Кажется, получилось неплохо. Значит, и берет, однажды несправедливо забытый и исключенный из моего гардероба, надо вернуть в него снова. Кстати, этот красный костюм можно носить по-разному: и с блузкой, и без нее, отдельно юбку и «верх» — как угодно. А ведь это тоже новые варианты одного и того же костюма.

Я вообще стараюсь все проверять на собственном опыте: приложу, скажем, к платью шейный платок — а цвета, по теории, не сочетаются. Но если получается красиво, не раздражает глаз — надеваю.

Попалась мне под руку и черная шерстяная юбка — где, правда, поднадоевшая. Но, к слову сказать, именно эта юбка не раз меня выручала: что называется, и в мир, и в пир, и в добрые люди. Если «верх» к ней выбираю потемнее — в целом вид получается деловой, рабочий. А уж если пышная белая блузка, да еще с красивой и модной отделкой кружевом или рюшами, — то на любом торжестве успех обеспечен. Особенно если сверху надевается съемная баска — пожалуй, самая модная деталь сезона.

Вы спросите: зачем я это все делаю? Зачем роюсь в шкафу,

перебираю одежду, да еще об этом рассказываю? Я учусь комплектовать свой костюм, чтобы в рамках пусть небольшого по количеству, но разнообразного по составу гардероба найти больше интересных и неожиданных вариантов одежды.

Я, например, поняла, что гораздо удобнее иметь вместо платья, скажем, которое быстро выйдет из моды, жакет, несколько блузок и юбку. Вместо традиционного пальто — полупальто или куртку.

Казалось бы, выбираешь себе всего лишь костюм — а, в сущности, вместе с ним манеру держаться, двигаться, говорить; он становится частью твоего характера, даже образа жизни.

Я долго еще придумывала варианты, снимала с вешалок

вещи и прикладывала их друг к другу, искала подходящие дополнения — это была игра, настоящая игра, легкая, увлекательная; и она доставляла удовольствие.

...Потом я закрыла свой старый шкаф, в котором хранились все мои вещи — модные и не очень, практичные и, как я теперь поняла, зря купленные. Оказывается, их нужно совсем немного.

Мое первое путешествие в платяной шкаф закончилось. Но в том, что теперь оно не последнее, я уже была твердо уверена.

Марина КРАЙНЯЯ
Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

На фотографиях — автор в роли манекенщицы.

Модели разработаны художником-модельером Л. НАДТОЧИЙ.

ГОРСТЬ СЛИВ

На родине Митрофана Пятницкого, того, что создал знаменитый на весь мир хор, в селе Александровка Таловского района Воронежской области, жила семья Захара Покатаева. Было у них с женой Верой пятеро детей. Когда началась война, старшей дочери, Мане, исполнилось девять, а младшей, Ане, всего несколько месяцев. Простился Захар Покатаев с семьей, ушел на фронт, и в первый же год войны получила Вера похоронку. Но беда, как говорится, одна не приходит. Трагически погибла мать, осиротели пятеро детей. Мане было в ту пору 13 лет. Как жить?

Тогдашний председатель колхоза Петр Егорович Тарасов Маню утешал:

— Определил всех в один детдом, не разматывает вас по свету!

А Маня ни в какую:

— Не отдам детей. Никуда, дядя Петя, не поедем. В колхозе будем жить, в своем доме.

Тринадцатилетняя девочка пошла работать в колхозное звено. При доме огородик у них был. С него и кормились. И председатель колхоза, с чем бы Маня ни обратилась, всегда помогал: и дровишек подкинет, и картошки выпишет.

— Иду на работу, — вспоминает Маня, теперь уже Мария Захаровна Акимова, — кто хлеба даст, кто горсть слив. Я сливы пересчитаю, если пять, значит, по одной старшим, а маленькой Ане — целых две.

Александровка большая — 200 дворов, и хоть в каждом доме в то послевоенное время своя беда поселилась, люди о детской семье не забывали, всегда руку Мане протягивали.

Вставала она до солнца. Варила еду, одежду штопала, заплаточки клала. Летом-то какие заботы — все босиком бегали, а зимой приходилось долго думать, как всех одеть и обувь на пенсию за отца.

Ребятишки Маню слушались, что велит, то и сделают. В печь до ее прихода не лазали, ждали старшую сестру с работы, чтобы пришла и всем еду поделила.

Всех детей Маня выжила, выкормила, никому не дала пропасть. Теперь у них свои семьи. Живет на земле поколение Захара Покатаева: пятеро детей, восемь внуков, четыре правнука.

А у самой Марии Захаровны двое детей и трое внуков. По-прежнему живет она в родной Александровке.

В музее Митрофана Пятницкого есть фотография пятидесятих годов — колхозные хористы, а среди них Маша Покатаева, совсем молоденькая. Но голос у нее и тогда был могучий, не было ему равного в селе. По сей день Мария Захаровна поет в хоре.

Все умеет Мария Захаровна. В доме ее станочек стоит, ткет из ветхих вещей дорожки.

— А этому-то где научилась? — спрашивают ее.

— Всему меня деревня научила и люди деревенские. Про добро их всегда помню.

А. ТУРКИНА

Летчица

52 года — стаж медицинской работы детского врача Екатерины Архиповны ИГНАТЬЕВОЙ. В селе Тесово Смоленской области доктор Игнатъева приняла первых малышей-пациентов. Их матерей обучала грамоте. При больнице открыла первые в Тесове детские ясли. Войну провела в госпиталях Калининского фронта, после Победы снова вернулась к детям.

Работает и сейчас — пишет книгу. Автобиографическую. Отрывок из этой книги мы и предлагаем.

В раннем детстве я была таким тихим ребенком, что моя мама частенько, бросив все дела, бежала посмотреть, жива ли ее младшая девочка. Гимназисткой я все каникулы бесшумно просиживала над книгами, никогда не залезала на деревья, не умела нырять, ездить на велосипеде. Братья и сестры считали меня трусихой. Так оно, может быть, и было.

На медицинском факультете я недолюбливала хирургическую практику, особенно когда оперировали детей. И вот довелось начинающему педиатру стать консультантом санитарной авиации, которая в ту пору только что становилась на крыло. Случалось мне попадать в такую глухомань, где откровенно считали, что спустившийся с небес доктор умеет совершать чудеса.

Однажды позвонили в клинику. Срочный вызов. Забежала домой, оставила записку, на трамвае поехала к аэродрому и потом долго шла по полю в ту сторону, где стоял самолет. Был он загадочный, весь какой-то обнаженный, состоящий из тросов и плоскостей. Мне он напоминал макет театральной декорации. Я ему не доверяла ни капельки.

По-плакатному неотразимый пилот козырнул и щелкнул каблучками.

— Давно не виделись. Катенька Архиповна. Давайте ваш саквояж. Халатик крахмальный здесь? Забирайтесь смелее. Так. Садитесь. Устроились? Ремни все на месте? За двадцать минут доставлю. Будете у них четко действовать — к ужину вернемся.

Он еще что-то говорил, оборачивался ко мне и смеялся, но я уже ничего не слышала. Взлетели. Широкая кожаная спина загоразживала меня от ветра. Я успокоилась и стала вспоминать, что может стоять за диагнозами, обозначенными в телефонограмме. Воздух между тем становился все более пасмурным, влажным и холодным. Вдруг я, не удержавшись за подлокотники, вместе со своим сиденьем куда-то провалилась.

— Воздушная яма! — закричал летчик. — Все в порядке. Попали в грозу.

Мы то поднимались, то опускались, сворачивали вправо-влево. Раздавался то грохот, то треск, по тросам бегали огненные шарики. Я потеряла счет времени. Меня охватило безразличие. Не хотелось думать о том, что могло произойти или уже произошло. Однако приземлились благополучно. Самолет

тик еще весь дрожал, когда к нам подбежали люди. Меня ждали.

— Фельдшера сюда. — оглушительно требовал летчик. — Окажите помощь врачу.

Неважно, наверно, я выглядела.

В медпункте вместо вымокшего модного платья с длинным жакетом быстренько надела я один на другой три сухих халата, проглотила черный горячий чай и, как только удалось отогреть и отмывать закороченные руки, начала прием. Дифтерия. Еще два тяжелых случая. Дети запущены, самые необходимые и простые назначения не сделаны. И не зря становилось мне все тревожнее и тоскливее.

После всех вошла маленькая, растерявшаяся и совершенно bestолковая мать, почти девочка. На ее плече висел ребенок трех — трех с половиной лет. Глаза не открываются, дыхание едва угадывается, пульс прерывается. Если бы удалось перелить кровь! Внимательно осматриваю ручки-ножки — косточки, обтянутые кожей. На самом краю стола запрокидываю и опускаю вниз голову. Нет, шейная вена не наполняется. Снова рассматриваю локтевой сгиб, прощупываю, ловлю вену. В клинике можно вызвать хирурга. А здесь?

— Много берете на себя, милочка. Разве не видите, сердце не справится. Отвечать придется нам.

— Кто это сказал? Неужели у меня появился такой вкрадчивый, шелковый голос?

— Немедленно! Приготовиться! Стерилизатор, инструменты, кровь!

Теперь я слышу свой собственный, действительно изменившийся, громкий и жесткий голос. Впервые в жизни я начинаю сложную хирургическую операцию рассечения вены. И фельдшер, и санитарка, и перепуганная мать подчиняются мне и понимают меня с полуслова...

После операции и переливания мы долго сидим вокруг стола, на котором лежит ребенок. Сначала дрогнули ресницы. Потом появилось ровное, глубокое дыхание. Из бледного предутреннего света в трепетной своей нежности проступает прекрасное детское лицо. Мальчик спокойно спит. Мальчик будет жить!

— Поздравляю, летчица. — говорит фельдшер и старомодно целует мою руку. — Счастливого пути. Мы будем ждать вас.

Анна АХМАТОВА

* * *

*Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.*

*Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.*

*Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, —
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.*

17 мая 1916 г.
Слепнёво

Быть ли музеем Анны Ахматовой

Николай ГУМИЛЕВ

она

*Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов
Живет в таинственном мерцаньи
Ее расширенных зрачков.*

*Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадней
Высокомерна и глуха.*

*Неслышный и неторопливый,
Так странно плавлен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.*

*Когда я жажду своеволий
И смел и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреду.*

*Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.
1912 г.*

вой?

Творчество Анны Ахматовой, по выражению Александра Трифоновича Твардовского, «неотъемлемая часть нашей национальной культуры, одна из живых и не утрачивающих свежести ветвей на древе великой русской поэзии».

У Анны Андреевны Ахматовой была сложная литературная и человеческая судьба. Она пережила гибель первого мужа, поэта Николая Гумилева. И чашу материнского горя пришлось ей испытать: на много лет она была разлучена с несправедливо осужденным сыном, ныне известным ученым, историком и географом, Львом Гумилевым. Испытала Ахматова и почти двадцатилетнее отлучение от издательства и журналов, и начало блокады Ленинграда, и смертельную болезнь в ташкентской эвакуации,

и многолетнюю бедность, и бездомность...

Места, подобного Ясной Поляне или Михайловскому, где было бы можно открыть музей-заповедник, после смерти Анны Ахматовой не осталось. И все-таки многие дома, в которых она жила или просто останавливалась у друзей — иногда в течение многих месяцев, — сохранились и в Ленинграде, и в Москве, и в Киеве...

А не столь уж далеко от Москвы, в Бежецком районе Калининской области, находится деревня Градницы (центральная усадьба колхоза имени С. М. Кирова), и в ней старый бревенчатый дом с четырьмя мезонинами — сейчас там размещается 8-летняя школа. Этот дом (вернее, часть его) принадлежал матери Гумилева Анне Ивановне, здесь и жил у бабушки маленький сын Ахматовой и Гумилева. Сюда часто приезжали и гостили они сами, молодые, но уже известные тогда поэты.

Ахматова писала:
*Там тень моя осталась
и тоскует,
Все в той же синей комнате
живет...*

Комната действительно была синей — стены северного мезонина, где жила Анна Андреевна, как недавно установлено, оклеивали синими обоями: поэт как всегда, точен.

Здесь, в синей комнате, ею написано более 60 произведений, среди них и большая часть первой поэмы «У самого моря», о которой тепло отзывался Александр Блок в письме к Ахматовой от 14 марта 1916 года: «Поэма настоящая, и Вы — настоящая». Слеспнёвские стихотворения вошли в книги «Четки», «Белая стая», «Подорожник». В Слеспнёве Анна Андреевна близко узнала простых людей, их жизнь, заботы, радости. Быть может, именно на «тверской скудной земле» — истоки народности ее поэзии, здесь заболела ее совесть от «осуждающих взоров

спокойных, загорелых баб».

Мы говорим: в Слеспнёве, потому что именно там, в 7 км от Градниц, находился дом при жизни его хозяев. В 1935 году его разобрали и перевезли в Градницы, вскоре там открыли начальную, а позднее 8-летнюю школу. Самого же Слеспнёва уже не существует. Деревню постигла печальная участь многих небольших поселений Нечерноземья — люди покинули ее и переехали в более перспективные села. Теперь Слеспнёво — это невысокий холм, заросший деревьями. От усадьбы сохранились остатки фундамента дома, несколько одичавших яблонь, заросший пруд и над всем этим, как память о былом, возвышается древний дуб, воспетый Анной Ахматовой в одном из стихотворений слеспнёвского периода:

*Единственного в этом
парке дуба
Листва еще бесцветна
и тонка.*

Калининские краеведы повесили на слеспнёвском дубе самодельную деревянную мемориальную доску, на которой написано: «На этом месте была усадьба Слеспнёво. Здесь в 1911—1917 гг. жили и работали поэты Николай Гумилев и Анна Ахматова». И люди идут и едут к этому некогда отмеченному музами месту, чтобы отдать дань признательности великой русской поэзии.

Вообще-то музеи Ахматовой есть. Их два — оба в домах, где Ахматова никогда не жила, и оба не государственные, а общественные. Первый — в квартире старожила города Пушкина Сергея Дмитриевича Умникова. Второй — получивший статус народного — в СПТУ № 84 при судостроительном заводе имени А. А. Жданова в Ленинграде. Уже стало традицией: ежегодно 23 июня, в день рождения Ахматовой, и 5 марта, в день ее смерти, ленинградцы собираются здесь на вечера поэзии.

Надо сказать, что общественность Ленинграда на-

стоятельно требует создания мемориального музея-квартиры Ахматовой в Фонтанном доме, где Анна Андреевна жила (с перерывами) с 1919 по 1952 год, и первые шаги в этом направлении сделаны. Но как же быть со Слеспнёвом, которое помнит ее счастливые, молодые годы? Где сохранилась «синяя комната», воспетый Ахматовой дуб, где неподалеку, на Бежецком кладбище, похоронена мать Гумилева?

Право же, трудно представить себе место, более подходящее для создания мемориального музея двух замечательных русских поэтов. Дом, конечно, требует ремонта, хотя архитекторы полагают, что при хорошем уходе он может простоять еще сто лет. А между тем жизнь идет: уже принято решение построить рядом типовую школу. И вот тут может случиться непоправимое: бесхозный старый дом быстро разрушится. Вправе ли мы допустить это?

Думается, хорошо бы после перевода Градницкой школы в новое здание старый дом перевезти обратно на Слеспнёвский холм, с тем, чтобы со временем создать здесь небольшой музей-заповедник Анны Ахматовой и Николая Гумилева, используя возможности Советского фонда культуры, а также содействие добровольных помощников. Этот музей мог бы стать центром культурной жизни большого сельского района.

Калининская область славится уважительным, бережным отношением к истории своего края, к памяти своих славных земляков. Надеемся, эта прекрасная традиция сохранится и по отношению к Ахматовой. Как справедливо отметил академик Д. С. Лихачев, у памяти должны быть пристанища...

Марк БАЖЕНОВ
На снимке: Анна Ахматова (в центре) со слеспнёвскими друзьями.

Фото из собрания И. и М. БАЖЕНОВЫХ.

Вздании старенького клуба, в центре поселка, происходила выездная сессия суда над рабочим сборочного цеха танкового энского завода Константином Ведерниковым.

Никто из собравшихся на суд в майский, теплый этот день, особенно тревожный, потому что в воздухе носилось охватившее людей предчувствие скорого конца войны, не сомневался, что дело Ведерникова решенное и закончится оно приличным сроком, ибо не стали бы попустякам проводить такую сессию и собирать со всего завода и поселка народ.

Памятен еще был случай с электриком гальванического цеха Сырниковым, который опоздал на восемь минут и получил шесть месяцев принударбот условно. Но там, говорят, и никакой сессии-то не было, вызвали в административный корпус, зачитали по бумажке приговор и велели трудиться дальше, в том же, кстати, цехе. Только за бесплатно.

Но в том-то и разница, что у Сырникова было восемь минут прогула, у Ведерникова же этих минут далеко не восемь и даже не восемьдесят восемь, целая рабочая смена, то есть полных одиннадцать часов! Это ведь и представить, и подумать страшно для тех, кто понимает, что такое не выйти на смену, прогулять без причин рабочий день, когда все твои вкальвают и не могут без тебя, ибо ты звено в их цепи, а план горит, а дело стоит, а военпреды терзают бригадира, и мастера, и начальника цеха, а те в растерянности смотрят на часы да еще на пустые платформы, которые выстроились посреди обширного двора для немедленной отправки боевой техники отсюда прямо на фронт... А техника — где? Где? Где?

Не было, так скажем, за все годы войны подобного этому случая, да и быть не могло. Не было, не могло быть, да случилось. И с кем случилось-то, благо бы с дежурным сачком, от которого можно что угодно ждать, а то с Ведерниковым, тем самым Ведерниковым, чья фамилия всегда на слуху, ею, считай, все уши прожужжали, на стендах примелькалась, в призывах многотиражки, на митингах, на совещаниях разных, вплоть до Москвы. И везде, как в медные трубы: будьте как Ведерников! Работайте, как работает, по-фронтовому, стахановец Ведерников!

Он и ударник, и передовик, и зачинатель движения... А он-то, зачинатель фиговый, и показал, чего он стоит. Это ведь как лестница такая, слава-то, чем выше поднимешься, тем больней падать!

Так, меж собой, толковали люди, стоя раненко утречком перед закрытыми еще дверьми клуба, где, по объявлению, должен был состояться тот самый суд.

...Свидетельское показание бригадира сборочного цеха номер пять энского завода Наркомата танковой промышленности Почкайло Владимира Никаноровича.

«Ведерникова я еще встречал в ФЗО, но знакомы мы не были. Я закончил на год раньше и к тому времени, как он

в феврале сорок второго пришел в наш цех вместе с Бондаренко, прозванным Швейком, Востряковой, Васильевым и другими, я уже работал в бригаде Бусыгина на сборке Т-34, а уж после мы перешли на более тяжелый танк Т-60. Другую же цепочку сборки пятого цеха возглавлял нынешний мастер Букаты, который сейчас находится в больнице. Ведерникова и других фабзайцев, мы их так называем, направили к Букаты, но он не хотел их к себе брать, и от Кости Ведерникова он тоже отказался. Он сказал так: «Что я, нянька, с этим детским садом возиться, сопли им подтирать». Это после того случая, как Ведерников потерял свой талон на обед, на который нам выдавали зава-

Анатолий ПРИСТАВКИН

С именем Анатолия Приставкина напрямую связаны те перемены, которые происходят сейчас в нашей литературе, так же как и во всей общественной жизни. Его повесть «Ночевала тучка золотая», с болью рассказывающая о судьбах детей, живших в детдомах во время войны, вызвала большой общественный резонанс, встала в ряд самых острых и актуальных «перестроечных» произведений.

Сегодня мы публикуем главы из новой повести Анатолия Приставкина «Судный день». Она также связана с войной — с жизнью тыла и его до срока повзрослевших и все равно таких юных героев — подростков Великой Отечественной. Эта тема далеко не случайна в творчестве писателя — он сам был одним из них.

СУДНЫЙ

риху, ее еще называют затирухой: балан- да из муки, заправленная постным мас- лом и луком. Когда Ведерников потерял свой талон, он заплакал, и все помнят этот случай. Тогда в цехе стали говорить, что зачем такого брать, если он ложку не может в руках держать, не только инстру- мент для работы. И тогда их сперва на- правили строить из бруса одиннадцатый цех по соседству, под которым уже стоя- ли прямо на земле станки, и на них рабо- тали эвакуированные из Коломны. А сте- ны мы уже потом сделали. Но они все числились в нашем пятом цехе и прихо- дили к нам греться, хотя и у нас тоже не топились. Все запомнили тот случай, ко- гда с мороза, с улицы, танки ввезли в бе- лом инее, а мороз был выше сорока, а Ве- дерников, который еще без опыта, взял- ся рукой за броню и прилип к ней кожей, а кожа его вся на броне осталась. Кровь из него хлещет, он побледнел, но не про- ронил ни слова. А бывший тогда мастер Букаты проводил его в медкабинет, а ко- гда вернулся, говорит, что на перевязке на голое мясо повязку наложили, а он не пикнул, и потому его надо учить и ставить с таким терпением на центровку. Там тоже надо адское терпение иметь, а у это- го фабзайца, как сказал он про Ведерни- кова, виден характер. А в бригаде как раз Синецын-центровщик на фронт добро- вольно ушел, мы на него через год похоро- нку получили. Он, этот Синецын, на скрипке играл, хоть и был рабочим, и го- ворил, что центровке особая чувстви- тельность пальцев нужна. Вот что такое

центровка. Еще чутче, говорит, чем на моей скрипке. А уж он-то знает. Когда похоронка на Синецына пришла, мы все его жалели, а Костя Ведерников к этому времени уже его заменял, и Букаты гово- рит: «Ты теперь у нас один такой остал- ся, что незаменимый, хотя партия наша учит, что незаменимых у нас нет. У нас все заменимые. И понадобится, мы и Си- лыча, это так меня прозвали со времен ФЗО, а еще Кувалдой звали, я ею больше любил орудовать, так вот, мы Силыча, го- ворит, заставим лезть и центровать». Но это он в шутку, потому что центровка происходит внутри танка и даже Косте, который меньше всех нас, в три погибели приходилось сгибаться, чтобы туда влезть. Военпред может не сразу работу всех проверить, установку там катков, ле- нивцев, но центровку он проверит обяза- тельно. У нас лозунг такой: «Сдача с пер- вого раза!» Как бригадир, я удостове- ряю, что за три года и два месяца работы Ведерников не имел брака ни разу. Он даже слишком старательный, все уйдут на обед, а у него чего-то не выходит, он там и сидит в танке, а мы ему баланду тащим. Или после работы возится и зас- нет. А проснется, лицо, простите, как пе- ченое яблоко. Он вот так работал, и пото- му его вешали на доску почета как луч- шего, и писали, и даже в речах называли как передовика, и в Москву посылали, хотя, когда с ним знакомились, его никто не принимал всерьез, из-за роста. Он и на работу никогда не опаздывал, и даже представить невозможно, чтобы он хоть на минуту где задержался, не то чтобы прогулять целую смену. Если бы мне ска- зали раньше, я бы не поверил.

Записанные мои показания с моих слов прочел и с ними согласен. В. Почкайло, 25 апреля 1945 года».

...После суток работы в цех пришла активистка Ольга Вострякова.

— А Костик где? Я вам новость принес- ла.

Костику постучали и раз, и другой, но он не откликнулся.

— Спекся,— сказал Бондаренко-Швейк и полез в машину. Чуть не силой вытянул оттуда Костика, тот и на свет вылез, и вниз спустился, и все никак не мог разомкнуть глаз.

— Кончай ночевать! — крикнул Швейк ему в ухо и прислонил к борту машины.— Ладно. Пусть спит, лошади тоже стоя спят. Так какая у тебя новость?

— Так не пойдет,— сказала Ольга.— Сейчас генерал придет с Букаты...— Она толкнула Костика, и он неожиданно стал оседать прямо на пол. Силыч успел его подхватить, но Костик болтался как тря- почная кукла у него в руках.

— Силыч! Швейк! Ну, разбудите! — ска- зала Ольга испуганно.— Они же скоро придут, а мы... Это же позор на весь за- вод! — Она стала тормошить Костика, и он открыл глаза, мутные, как у пьяно- го.— Костик! Костик! Генерал придет! В цех!

Костик кивнул и закрыл глаза.

Ольга испуганно оглянулась, желая пригласить Швейка и Силыча или хоть кого-то для помощи, но и те, присев и прислонясь друг к другу, уже спали мертвым сном. Ольга и к ним бросилась в панике, охнув про себя, и тоже стала тормошить, и в это время они вошли: начальник цеха, Букаты, какие-то воен- ные и среди них в папахе невысокий, под- жарый, с острыми глазами-буравчиками исподлобья, генерал.

И тут произошло чудо: как по команде Швейк и Силыч встряхнулись, поднялись навстречу высокому гостям, и лишь Костя остался сидеть, опустив голову. Рабочие его прикрыли собой. Только Ольга с бес- покойством раз и другой оглянулась, но все напрасно: Костик спал, и никакие ге- нералы для него в этот миг не существо- вали.

А начальство и военные быстро про- шли вдоль конвейера, о чем-то беседе- я, и приблизились к стоящей кучкой брига- де.

БЫЙ ДЕНЬ

— Вот,— сказал Букаты,— указывая на Сильча и на Ольгу.— Вот они, герои нашего тыла! Бригада сборки, которая не подводила ни разу! И сегодня не подвела!

— Могу подтвердить,— глядя на генерала, сказал военпред.— Не подводили ни разу.

Генерал кивнул, но ничего не сказал.

Букаты продолжал говорить, а все стояли и смотрели на генерала. А тот все шарил острыми глазами по цеху, вскидывал голову на танки, на потолок и вдруг спросил, пронзительно тонким, как всем показалось голосом. Швейк за глаза его сразу назвал «козлетоном».

— А Константин Сергеевич тут работает?

— Константин Сергеевич?— спросил начальник цеха, крупный мужчина с пролысиной и дряблыми щеками.— Он посмотрел на Букаты.— Это кто?

Букаты пожал плечами и взглянул почему-то на Ольгу. Но та отвела глаза.

— Константин Сергеевич? Простите?

— Ведерников,— подсказал военпред генералу. Военпред был строен, усат, будто гусар.

— Да, да, Ведерников,— сказал генерал.

— Ах, Ведерников,— тут же подхватил Букаты и показал рукой на рабочих.— Он в этой смене, товарищ генерал. Сейчас он к вам подойдет!

— Ну зачем же,— капризно произнес генерал.— Я сам к нему подойду. Только укажите мне его!

Во время всего этого короткого обмена репликами Ольга быстрее всех сообразила, что надо делать. Она бросилась вперед, встала прямо перед генералом и быстро начала говорить, тот, наверное, опешил от такого потока слов.

— Ведерников!— тараторила она, заступая дорогу генералу, он вынужден был остановиться и выслушать ее.— Ведерников наш лучший заводской центровщик, он выполняет план и числится в ударниках и в стахановцах, цех им гордится и всегда берет с него пример... Вот и сегодня лучший рабочий бригады товарищ Ведерников не уходил со своего поста...

— Ладно, ладно,— сказал генерал и вдруг потрепал Ольгу по щеке, так что она от неожиданности проглотила последние слова.— А где он сам-то?.. Ударник ваш? Дайте поглядеть!

Ольга отступила перед генералом, но время было выиграно. Двое из бригады, Швейк и Почкайло, растолкали Костика и, подняв под руки, встали как бы почти обнявшись. Друзья, мол, не разлей водой.

— Который из них?— спросил, прищурясь, генерал, испытующе скользнул по лицам и остановился на старшем, на более внушительном Почкайло.

— Вот, каков!— произнес генерал.

— В центре! В центре он, Ведерников! Товарищ генерал!— громко, будто глухому, крикнула Ольга.

Генерал посмотрел на Костика и обернулся к военпреду:

— Тот самый? Ведерников? Вы не ошиблись?

— Так точно, ошибки нет, товарищ генерал!— мгновенно отвечал тот. От старания даже темные усы шевельнулись.

И Букаты подтвердил, не очень-то по-

нимая, куда все это клонится, что это слесарь-центровщик Ведерников Константин Сергеевич, правда, немного приболел, с глазами у него...

— Глаза у него засорились!— опять громко произнесла Ольга.— Сейчас он в медкабинет пойдет! Товарищ генерал!

Генерал смотрел на Костика, будто не верил, что ему показывают того, кого он просил, и вдруг он засмеялся. Тонко, но на весь цех, и все кругом заулыбались, глядя на генерала. А он между тем заливался, и рабочие захихикали, лишь Костик, один он, виновный, стоял, тараща глаза свои больные, мало что соображая в происходящем.

Генерал перестал смеяться и сказал:

— Вот сюрприз! А я думал ветеран! С бородой! У нас в дивизии на танках написано: «Будь в бою, как Ведерников в труде!» А он вон какой...

Ольга тут же, осознав важность момента, снова выскочила перед генералом, теперь уже не ради Ведерникова, а ради цеха, который она возглавляла в комсомольских делах, и отсалютовала со словами: «Наш боевой комсомольский пост! Товарищ генерал! Ведерников — сын фронтовика! Пришел из трудовых резервов, и мы гордимся, все как один на нашем заводе...»

Генерал отвернулся к военпреду, не слушая, спросил:

— А может, все-таки не он? Какой-то замызганный и это — мал же?

— Да он же! Товарищ генерал! Я лично его работу принимал! Мал золотник да дорог! Как раз про него!

— Потом... Он же спит?— Генерал опять посмотрел на Костю.— Смотрите, спит же... Его надо отвести домой!

— Так точно!— произнес еще один из военных, стоящих непрямо сзади.— Отвезем! На машине!

— Да не спит он,— неуверенно подсказал Букаты.— Косте подсказал, а не генералу.— Глаза у него такие, что он плохо смотрит, да после ночи...

Ольга подхватила:

— Что вы! Товарищ генерал! Это у него от волнения! Он и мы все счастливы, что вы нас... К нам в цех...

Генерал посмотрел на Ольгу, на Букаты, на других рабочих и стал говорить, что он поздравляет от имени командования Константина Сергеевича Ведерникова за ударную работу в деле создания боевых и безотказных в бою машин...

Тут в его руках откуда-то объявились две блестящие консервные банки.

— А это вам фронтовая премия! Из нашего боевого пайка! Называется она свиной тушенкой...

Все зааплодировали, а Костю подтолкнули к генералу, и тот отдал банки в руки со словами: «Заслужил! Здоровейте! На радость советских танкистов!»

Все опять стали хлопать. Костик стоял с банками, не зная, что с ними и с собой делать. Ольга хотела забрать банки из рук Костика, помочь ему, но тот не послушался и банок не отдал, а сильнее прижал к груди.

— Не молчи,— шепнула она, это слышали те, кто стоял рядом.— Не молчи, скажи что-нибудь! Мы будем достойны... Ну!

— Мы будем достойны...— повторил Ко-

стик и вдруг, будто очнувшись, добавил вполне осознанно.— Спасибо... Мы с мамой щи наварим, у нас с мамой давно мяса не было...

— Не в тушенке дело,— пришел тут же на помощь Букаты.

А Швейк негромко, лишь для бригады досочинял:

— Не тушенкой мы богаты, так сказал И. И. Букаты!

Генерал еще раз смерил Костика взглядом, шепнул что-то военпреду и на прощание пожал начальнику цеха и Букаты руки. Ольгу, стоящую рядом, он не заметил.

— Что ж, товарищи,— сказал озабоченно уже, хотя еще и неторопливо. Но мягкость, но тепло, неожиданно проявившиеся, пропали. Он снова стал тем настоящим суровым генералом, которого они увидели при появлении.— Мы уезжаем отсюда, вооруженные вашей замечательной техникой и вашим дружеским участием... Обещаю, что эти танки будут драться за рейхстаг! Спасибо!

...В то утро Костя, как всегда, шел на работу. На улочке поселка, по которой он каждое утро проходил, стояла с корзинкой яблоч Катя. Стояла и смотрела бездумно на бабочку. Бабочка неровным зигзагом пролетела над дорогой, над заборами и села на корзинку с яблоками, накрытую сверху красной тряпкой. То ли запах яблоч привлек, то ли бабочка этот красный цвет приняла за живой цветок. Но она сидела, пошевеливая сложенными крыльями, а Катя, боясь ее спугнуть, стояла и не решалась взять в руки корзинку. И вдруг за спиной сказали:

— Доброе утро!

— Ой!— воскликнула она и повернулась. Перед ней стоял тот самый юноша, о котором она утром почему-то вспомнила. Так странно! Он посмотрел на нее, на бабочку и спросил, сделав осторожный шаг:

— Напугал, да?

— Нет,— ответила Катя.— Я задумалась.

— О чем?

— О чем?— переспросила она и не ответила.

— Я утром хожу на работу, а вы все время с корзиночкой...— сказал, замаявшись, Костик, уже не зная, что ему делать, уходить ли или подождать ответа.— Так о чем вы задумались?

Катя мелочком взглянула на него, стараясь понять, к чему он спрашивает и нужно ли ей с ним говорить.

Решила, что нужно.

— Стояла и думала... Возвращаться домой или... Или не возвращаться...— Она исподлобья посмотрела на него. Как он примет ее откровенность. Кажется, он принял как надо.

— А как лучше?— спросил. Значит, что-то понял. Значит, не дурак.

— Лучше...— сказала она,— не возвращаться.— И после паузы.— Никогда бы...

— Тебе плохо?— сразу спросил Костик. Бабочка улетела, и он подошел ближе. Теперь они стояли друг против друга.

— Было плохо,— ровно, будто давнему приятелю, стала объяснять она.— А теперь...— она присела, сняв с яблоч крас-

ную тряпку и постелив на обочину. И Костик присел рядом.— Я утром встала, я уже которую ночь не сплю... Собак слушаю. Вот я встала и загадала про себя: если сегодня ничего не произойдет, то я что-нибудь сделаю...— Она посмотрела на Костю, прямо ему в лицо, добавила:— Нет, я не жалуюсь, не подумаю. Просто мы не знакомы, я могу вам правду сказать...— и помолчала,— а если честно, то больше и сказать некому... Может, вам неинтересно?— и стала заниматься какой-то травинкой, не решаясь теперь после такого странного откровения посмотреть на собеседника.

— Ну, что вы!

— Я привыкла ходить до базара и обратно. И вдруг мне прогуляться разрешили. Не идти на заработок,— уточнила она.— А именно так, погулять. А я по привычке схватила корзинку...

— С яблоками?— спросил почему-то Костя.

— Называются-то яблоки,— странно пояснила Катя.— То есть они и правда яблоки, хотя... Я не могу привыкнуть, что это яблоки... Понимаете? Ну, раз они для торговли. И Зина их пересчитывает... Как рубли все равно...— И, оборвав, Катя сразу сказала то, с чего, наверное, надо было начинать.— Я их терпеть не могу. Вот.— Посмотрела на Костика, может, у нее была такая привычка не верить своим словам и проверять, слушают ли ее и как слушают.— А Чемоданчик мне вслед кричит: «Да не бери ты их!» А я схватила... Она вдруг всхлинула, но говорить не переставала, а продолжала и даже более торопливо, чем вначале.— А я схватила и на улицу... Гуляю вот, дошла до конца улицы и растерялась... А куда дальше идти, не знаю...

Костик, не отрывая от нее глаз, приподнялся, попросил:

— Ну, не плачьте... Пожалуйста... А то мне надо идти... У меня ведь смена...— И снова сел. Так уйти он не мог. И стоять не мог. Но и сидеть не мог. Он вообще не знал, что в таких случаях делают, когда плачут.

— Ну и идите,— вдруг сказала Катя.— Я ведь вас не держу.

Она сидела, уткнувшись в колени, и головы теперь не поднимала, не желая знать, тут он, этот случайный юноша, или нет. Если бы он поднялся и ушел, она бы все равно не заметила.

— Как же я уйду?— спросил он наивно.— Не могу я так...— И уже поднявшись:— Я правда, я прошу...

— Мне никого не надо.— И Катя, отрываясь от своих коленей, отмахнула рукой.— Я вас не просила... Я вообще сама...

Костя почему-то разозлился. Может, его тот пренебрежительный жест рукой разозлил, эта отмашка, мол, убирайтесь и не застите свет.

— Сама так сама!— сказал он, решившись, и даже сделал шаг в сторону. Сделал и оглянулся.— Сиди себе!— крикнул он и пошел. Опять повернулся...— Не хочешь по-хорошему, да? А, между прочим, все победы ждуть...— И к чему он вспомнил про победу, он и сам не понял. Просто захотелось что-то про себя сказать, чтобы она поняла, что он тоже человек

и тоже со своими чувствами... Хотя... Какие у него уж чувства, нет никаких чувств, кроме одного: все время спать хочется. Вот кончится война, так подумалось, не надо будет в «тачку» свою лезть... Он тогда заляжет и попросит мать, чтобы не будила! Ни-ког-да! Пока сам не проснется и сам не встанет! А встанет он... Ну, так через неделю... Нет, через месяц... Когда выпитися так, чтобы...

Катя между тем поднялась, отряхнулась от травы, а яблочки накрыла красной тряпкой. Подняла корзинку и, не взглянув на него, прочь пошла.

— Постой!— крикнул ей Костя.— Давай познакомимся, а?

Не опуская корзинки, Катя лишь голову повернула:

— Уже.

— Что уже?— опешил он, но сделал к ней несколько шагов, а она стояла и так странно смотрела на него.

— Уже,— повторила она.— Познакомились. Ты как мой дядя, он тоже разговаривает, а сам, кроме своего цеха, ничего знать не хочет.

Костик, пока она все это говорила, подошел и протянул руку к корзинке, ухватившись за ручку. Катя рванула корзинку к себе и крикнула:

— Отдай корзинку-то!

— Не отдам,— заявил он.— Меня зовут Константин Сергееч.

— Ну и что?— И вдруг, почувствовав в нем какую-то силу, успокоилась.— А меня Катерина Егоровна. Беспартийная... Семнадцать лет... Сегодня...

Они стояли теперь, ухватившись за корзинку с двух сторон, и смотрели друг на друга.

— Что? Сегодня?

— Замуж выхожу сегодня! Вот дурак непонимающий!— сказала сердито Катя. Но сердилась она, было сразу видно, не от души.

— Этот...— поинтересовался Костя.— Который Чемоданчик?

— Василий Васильевич... Он мне подарил... Даже кольцо... Он хороший,— будто спорила с кем-то Катя.— Он мне сказал: «Уедем, и не будет никаких яблок!»

— Он что же, старый? Твой Василь Васильич?— поинтересовался сдержанно Костя. Но Катя уже опомнилась и снова рассердилась. А может, потому и рассердилась, что ей о возрасте напомнили.

— А тебя вообще не касается! Понял?— крикнула она.

— Нет, не понял,— спокойно отвечал Костя.

— Послушайте, Константин Сергеевич,— попросила Катя, потеряв терпение.— Идите на свой завод...

— Не пойду!— крикнул ей Костя прямо в лицо.— Никуда я не пойду! Ты его не любишь, да?

— Вот же пристал!— в отчаянии произнесла Катя и оглянулась.— Закричать, что ли? Имейте в виду, я крикну, а они услышат! Вы поняли! Они из вас, захотят, котлету сделают! Они же убьют вас!

— Кричи, кричи,— предложил презрительно Костя.— Все равно не любишь!— Он отпустил корзинку и стоял, насмешливо глядя на нее.— Бери! Иди на свой

базар! Я тебя понял... Ты просто спекулянтка!

— Я спекулянтка?— опешив, переспросила Катя. И, положив корзинку, она шагнула к Косте, чуть не наступив ему на ногу.— Ну-ка, повтори! Повтори, кто я? Спекулянтка я? Да?

— Да!— крикнул он ей прямо в лицо.— Да, ты настоящая спекулянтка. И, кроме своих яблок, тоже ничего не видишь!

— Ах, так!— сказала Катя. Отошла на шаг, повернулась, отыскав глазами корзинку, и вдруг подскочила к ней и стала швырять на дорогу яблоко за яблоком, приговаривая:— Смотри! Смотри! Пусть все видят... Ненавижу! Всех, всех ненавижу!— С корзинкой рядом прямо в пыль села и разревелась.

(И Костя не пошел на завод. Они с Катей провели вместе весь этот длинный счастливый день.)

— Что же делать дальше?— спросила Катя.— Идти в кино?

Костя при слове «кино» развел руками.

— Все.

— Что? Все?

— Промотали!— И вывернул карманы наружу.

— Всю твою зарплату?— ужаснулась Катя.— Может, ты потерял?

— Я думал, что там что-то осталось,— удрученно произнес Костя,— но там ничего не осталось.

— Вы мот, Константин Сергееч. Вы мот и гуляка. Сейчас будем считать,— деловито произнесла Катя и взяла щепочку.— Пишем: пятнадцать мороженых...

— Сколько?— спросил Костя, сраженный такой цифрой.

— Шестнадцать,— поправились Катя.— А вообще, после того как вы девятое начали есть, я сбилась со счета. Я боялась, что вам будет плохо.

— А мне было хорошо,— подтвердил Костя.— Даже в пингвина не превратился!

— И живот не отморозил!

Костя постучал по своему животу и спросил, наклоняя голову: «Эй, живот? Как живешь? Как? Не слышу! Громче! Еще хочешь? Да?»

И Кате:

— Он еще хочет! Он говорит: «Мороженого много не бывает».

Катя засмеялась:

— Он у тебя рекордсмен и растратчик! Просадил на мороженом всю зарплату!

— А газировка?— вспомнил Костя.— Ведь была еще газировка!

— Была,— подтвердила Катя.— Восемь стаканов с сиропом и три без сиропа. И еще — штраф!

— Ах, штраф!— вспомнил Костик. Как же он мог забыть? В том самом кинотеатре, где они четыре подряд сеанса смотрели сказку «Василиса Прекрасная», а потом еще довоенную кинокомедию «Цирк», он увидел цветок в кадучке, замечательный алый цветок, и, сорвав, поднес Кате. А его за этим делом и застукали! Но прежде-то он успел подарить. Как он сказал ей: «Разрешите, Екатерина Егоровна, поднести этот цветок в честь нашего с вами праздника, который называется «День чудес».

— Первый цветок в моей жизни,— произнесла Катя задумчиво.

— И первый штраф за цветы в моей жизни,— в тон ей, будто бы огорченно, но вовсе не огорченно, а счастливо сказал Костик. Да и могло ли быть у него другое состояние, если весь день, такой замечательный, они пробыли вдвоем.

Костик посмотрел на Катю и сказал о том, что он думал целый день.

— Знаешь,— сказал,— если меня за этот день будут казнить, я все равно не пожалую о нем!

— Я тоже! — воскликнула Катя.— Ты, Костик, самый замечательный в мире человек! Правда!

— Ну, что ты... — смутился он. И даже отвернулся, побоявшись, что она увидит, что вовсе он не такой, каким она его себе представляет. Ему ведь говорили: от горшка два вершка, и еще так: «Метр от земли, если с кепкой...»

Но Катя уже не смотрела на него. Она смотрела в ту сторону, куда начинало клониться долгое, терпеливое сегодняшнее солнце.

Сложив руки на груди, Катя сказала тихо-тихо вслед солнцу:

— Господи! Сделай так, чтобы этот день никогда не кончался! Ну, что тебе стоит, господи! Ну, часок, если нельзя день... Только часок, молю... Крошечный такой часочек...

И вдруг они неподалеку увидели Зину. Она держала в руках что-то похожее на веревку. Они даже не успели понять, почему же веревку, только Катя шепнула холодея: «Идет!»

— Суд идет! — крикнула запыхавшись Зина, карабкаясь на бугор. И посмотрела при этом на Катю.— Спряталась, поджала хвостик, думаешь, не увижу? Нет, миленькая, я тебя даже на Луне найду!

— Мы не прячемся,— сказал Костик, прикрывая собой Катю.

— Кто это мы? — передразнила Зина.— Мы — Николай второй! Половину города обежала, в милиции заявление составила...

И тут они увидели, что из-за ближайшей водопроводной будки выныривают один за другим люди, и первый среди них Чемоданов, потом Букаты, потом Силыч и мама Кости позиди, чуть поотстав. А далее еще незнакомые...

Вот тогда они заметались. Они схватились за руки, и Костя быстро шепнул: «Летим!»

— Как? — в смятении не поняла Катя, огромное горе было в ее глазах. Целый поселок бежал к ним, и все для того, чтобы их унижить, опозорить. И было понятно, что это сейчас у всех на глазах произойдет.

— Как в «Василисе», помнишь? — шепнул Костик и посмотрел в Катины глаза.— Мы же умеем, ну... Вспомни!

(А потом был суд над Костей, прогулявшим целую рабочую смену. Но назавтра продолжения судебного заседания не состоялось, потому что наступило 9 мая 1945 года.)

— Куда идти-то? — спросил Костик. — Не знаю,— ответил милиционер.— Велели на суд приводить...

— А будет? Суд-то? — Кто же его отменит? — резонно произнес милиционер.— Без суда в нашей жизни нельзя.

— Сегодня? — Он в раздумье покачал головой. — Вот именно,— произнес.— Не запланирована победа-то...

Милиционер был одних лет с Костиком, но покрупней, видать, из деревни.

Он поправил на себе форму, которой дорожил, отряхнул пыль и стал вслух соображать, что ему с Костиком делать.

Победа, хоть и понятно, праздник, но возник не по порядку, как возникают, скажем, другие праздники... Чтобы заранее прочитать в газетах, как, кому и сколько праздновать, и что нести на демонстрацию, и как вообще проводить мероприятие. И в газетах, и по радио о том объявят, всем понятно и удобно, потому что без проблем.

— Может, в КПЗ тебя отвести? — спросил он.

— Можно,— согласился Костик.— А может, к маме?

Милиционер хотел было произнести слово «не положено», но поперхнулся. При слове «мама» в его лице промелькнуло что-то живое.

— Давай. Только ненадолго,— предупредил он и пропустил Костика вперед.

Но Костик не пошел к матери, хоть очень ему хотелось ее увидеть. Он пошел к Катиному дому, резонно считая, что милиционеру в целом все равно, куда идти, он тут недавно и поселка не знает.

Они прошли по улицам, ставшим вдруг многолюдными: слышалось радио, играли на гармошке, а кто-то выставил на середину улицы стол, угощал всех встречных поперечных самогонкой и солеными помидорами.

Поднесли и милиционеру как представителю власти, но он рукой отвел.

— У них свои дела, а у нас свои,— коротко буркнул и велел Костик идти дальше.

У забора сидела на земле Катя, поддерживая одной рукой корзиночку. Костик посмотрел и сел рядом.

Катя оглянулась, охнула: «Вы?»

— Напугал? — спросил он.

— Нет,— ответила.— Я задумалась.

Вдруг он увидел, что она плачет, без слез, беззвучно, только губы вздрагивают.

— Ну, Катя,— попросил он.— Ну, что ты... Все будет хорошо, вот увидишь... Ведь победа...

Катя всхлипнула и посмотрела на него. Проглотила слезы, спросила заикаясь:

— Правда? — Конечно, правда!

— А я, дура, и не поняла... Думаю, отчего это музыка играет и все какие-то

необычные... А я еще ничего не знаю... Иду и ничегошеньки не знаю... А мир-то другой... И деревья, они тоже почувствовали... И небо, и солнышко... Вы слышите?

Костик заглянул в лицо Кати.

— Что? — Как же, ведь они же все шепчут... И травка, и деревья... Зима кончилась... И все теперь будет по-другому...

Тут вернулся милиционер и строго сказал:

— Поидемте, гражданин Ведерников! Хватит!

— Куда? — спросила Катя.

— Куда надо,— сказал милиционер.— В КПЗ пойдём!

— Я тоже пойду.

— Это вы как хотите,— подумав, сказал он.— А нам пора.

В конце улицы показалась Зина. Она шла, глядя в землю, и ничего не видела: ни Кати, ни Кости с милиционером, и лишь наткнувшись на них, остановилась. Бросилась к Кате, разрыдалась.

— У нас дядя умер, Букаты,— пояснила Катя Костю.— Зин... Ну, чего ты... Зин... Ну, не надо... Вот Костя... Он говорит, что победа наступила... Слышь, Зин. Кость, ну скажи, ведь правда? Победа?

— По радио доложили,— подтвердил милиционер.— Что капитуляция всего фашизма... Праздник, значит...

— Вот видишь, Зин! — воскликнула Катя, а сама заплакала.

— Как теперь жить-то будем? — спросила Зина и оглянулась на Костю. Она сняла с головы платок и стала вытирать слезы.

Милиционер стоял, смотрел на них, нетерпеливо переминаясь, не зная, что ему делать.

— Как положено, значит, так и будем,— пояснил он.— Как вождь всех народов прикажет... Генералиссимус, значит... А сегодня, гражданочка, праздник, и надо не плакать, а радоваться!

— Вы хотели идти, так идите,— сказала Катя строго милиционеру.— Нашли зрелище смотреть, как женщина плачет!

— И я говорю... — Милиционер пожал плечами и пошел, взяв за руку Костика, забыл даже приказывать идти вперед.

Дуновением ветерка, теплого, ласкового, донесло музыку марша. Наверное, по радио из Москвы транслировали.

Катя подняла голову, прислушалась. И снова прикинула к Зине, стала вытирать ей слезы на щеках, и руки у нее стали мокрые от чужих и своих слез.

— Мы с тобой, Зин, остались, правда... Мы-то живы, и мы есть друг у друга... И Костика я люблю... Я спрашивала у этих. Я спрашивала, как его осудят, а они говорят, что пять лет... А может, даже меньше... но я буду ждать, а если его куда пошлют, то я за ним поеду... А потом мы будем все вместе, ты его тоже полюбишь... И будет у нас другая жизнь... Новая, правда, Зин... Ты посмотри! Посмотри! Ты же видишь, какой это мир начинается красивый! И все только будут любить друг друга... Ну правда же! Зин!

А я вдруг поняла, что мне жить хочется... Очень хочется, Зин...

— Встать, суд идет!

Рис. В. БОЧКОВА.

120 БЛИЗКИХ ПО КРОВИ

Был погожий весенний вечер, когда мы с женой Марией вернулись из гостей. Она ожидала ребенка, поэтому я велел ей отдыхать, а сам принялся за работу по дому. Ночью я услышал, что жена встала с кровати и упала на пол. Я бросился к ней — она была в обмороке.

— Вольдемар, дай воды! — крикнул я сыну.

Вижу, дела плохи. Начались преждевременные роды. Я бросился на улицу в поисках машины. Полночь, кого дозовешься. Остановил первый попавшийся грузовик, вынес Марию. Не знаю, на какой скорости мчали... Услышав рев машины, на двор выбежали женщины в белых халатах. Позже я узнал, что это были заведующая родильным отделением Эмилия Скуодите и медсестра Элеонора Трембо. На руках внесли мы жену по лестнице наверх, в больницу.

Долгой была для меня эта коротенькая весенняя ночь. Когда рассвело, я поехал к директору совхоза. Говорю: беда у меня; нужна кровь, очень много крови...

Около девяти часов работники конторы нашего совхоза выехали сдавать кровь. По местному радио сообщили о несчастье — услышали все: механизаторы, мелиораторы, работники учреждений. В двенадцать часов врач амбулатории в Тургяляй направил в районный центр Шальчининкай полный автобус доноров.

Руководители хозяйства звонили в больницу. Говорят, подняла трубку врач Скуодите и плачет: больная без сознания, очень все плохо, но если будет теплая кровь, надежда остается.

За жизнь моей жены боролись сотни людей. Неделю из больницы не выходили врач Скуодите и заведующая отделом переливания крови Людмила Боткина. Из Вильнюса вызвали несколько специалистов, 121 донор дал свою кровь.

Помню, сидел я в больничном коридоре и увидел: из операционной везут мою Марию: белая вся, спит... У меня сжалось сердце: потеряю я ее.

А сыночка уже увезли в Вильнюс, в республиканскую больницу.

Теперь, когда моя жена Мария уже хозяйничает дома, когда у Марьяна уже прорезаются первые зубки, я и ночью, просыпаясь, все

думаю: какое счастье жить в таком обществе, где в трудный час сотни незнакомых, щедрых людей спешат протянуть тебе руку помощи.

Пережитое встряхнуло меня, я чувствую, что стал другим человеком. Очень хочу посмотреть в глаза тем ста двадцати людям, чья теплая кровь текла в сердце моей Марии и не дала ему остыть. Не знаю, чем вознаграждать, отблагодарить десятки людей в белых халатах, которые склонялись над ней, не спали, звали одного другого на помощь.

Всем им низко кланяюсь. И еще: моя кровь Марии не подошла, медики сказали — очень редкая группа крови, мало у кого такая. Никому не желаю беды, но если бы меня позвали на помощь брату по крови, — полетел бы на крыльях. Не знаю, пришли ли бы мне в голову такие мысли, не случилось в моей семье несчастье, которое кровью породило мою семью с множеством далеких и близких людей.

О подвиге врачей, спасших жизнь моей жены и сыночка, писали газеты, об этом узнало множество людей.

А мы с Марией решили устроить праздник. Пригласили своих соседей и знакомых, давших свою кровь, поддержавших нас в трудные

дни. Спасибо им! Отцовское спасибо всем, кого не знаю и никогда не увижу: будьте все здоровы, пусть сопутствует вам счастье.

Ян ПЕТРАШУН, водитель совхоза «Тургяляй», Шальчининкский район, Литовская ССР.

Фото А. АЛИМАУСКАСА.

ТЕЩА МЕЖДУ НАМИ, КАК КЛИН...

Читаю заметки таких же, как я, оказавшихся в недобром семейном положении. Сравниваю с ними свою жизнь: бывает так, что многие, встретившись, познакомившись, соединяют свою жизнь и, не успев привыкнуть друг к другу, разъединяют этот семейный узелок. Кому-то характер жены не нравится, у кого-то ревность, кому-то теща мешает и прочее. Каждый к разлуке идет по-своему. Вот и мне на семейной дороге выпало расставание с женой и дочкой. Не думал я, что так выйдет, когда расписывался. Я надеялся только на лучшее, был счастлив, хотя и не молод — женился в 26 лет. Мне казалось, что мы с женой понимаем друг друга с первого слова.

Пока не были расписаны, все шло, как в сказке, а потом теща начала диктовать: тебя и внучку, говорит, надо окрестить,

иначе у вас ничего доброго в дальнейшем не выйдет и счастливыми не будете.

Я стремился тогда переехать в город Вятские Поляны. Теща на это ответила отказом: боялась отпустить с некрещеным свою крещеную дочку. Жена послушалась совета матери и не захотела поехать со мной. Мне сказала: найди благоустроенную квартиру и чтоб до работы было близко. А это, как вы понимаете, для только что приехавшего в город так же невозможно, как невозможно получить сметану без коровы.

Но вот я заимел квартиру. Зову жену. Всякий раз, как мы говорим серьезно, я вижу — она не в силах самостоятельно решить простейших вопросов, ждет, что скажет мать. И вот я езжу к своей семье в гости. И каждый раз, как приеду, меня тянут в церковь. А мне странно, что в наше время кто-то этим еще занимается.

Полтора года я жену уговаривал приехать ко мне. Все в душе болело за дочку, я не хотел оставлять ее, не хотел, чтобы она росла без папы. Но в последний мой

приезд жена моя Лида учила дочку называть меня дядей. Дальше она высказала мнение, что они будут воспитывать Наташу без меня. А теща предложила мне уехать и жениться на некрещеной, оскорбляла, грубила. Я слышал раньше, что теща всегда защищает интересы зятя и тем делает дочку семью крепче. А моя врезалась между нами, как клин.

Свои интересы они ставят высоко, а мои — на уровне колен. Идет второй год моей разлуки с семьей. Дочка растет без меня, а я не хочу, чтобы она меня забывала. Я думаю: может, надо было пойти в церковь?

Я поражаюсь: когда отец оставляет ребенка, его осуждают. А когда мать оставляет его без отца — ничего. Неравноправно получается. Как исправить положение? В чем моя ошибка? Что скажете, люди? Как бы вы поступили на моем месте и на месте моей жены?

Леонид П.
г. Вятские Поляны,
Кировская область.

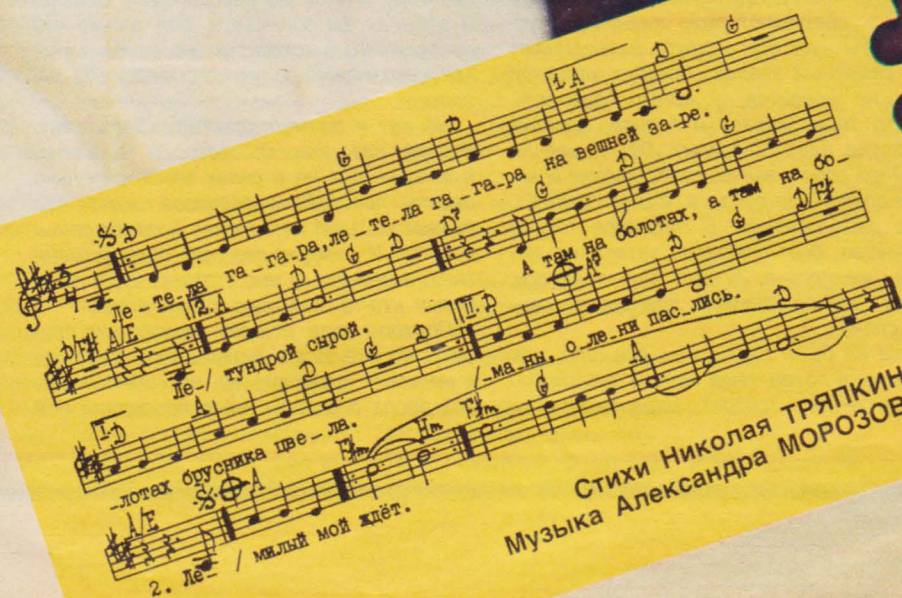
ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Марина КАПУРО

Летела гагара,
Летела гагара
На вешней заре.
Летела гагара
С морского утеса
Над тундрой сырой.
А там на болотах,
А там на болотах
Брусника цвела.
А там на болотах
Дымились туманы,
Олени паслись.

Летела гагара,
Кричала гагара,
Махала крылом.
Летела гагара
Над мохом зеленым
Над синей водой.
Дымились болота,
Дымились болота
На теплой заре.
Дымились болота,
Туманились травы,
Брусника цвела.

Кричала гагара,
Кричала гагара
Над крышей моей.
Кричала гагара,
Что солнце проснулось,
Что море поет.
Что солнце проснулось,
Что месяц гуляет,
Как юный олень.
Что месяц гуляет,
Что море сияет,
Что милый мой ждёт.

Стихи Николая ТРЯПКИНА
Музыка Александра МОРОЗОВА.

«Кому теперь интересна народная песня? Разве что иностранцам, как что-то экзотичное», — услышала однажды и ужаснулась. Как такое возможно: наши народные песни, наш фольклор нам не нужны?! И я поставила себе цель в меру сил своих стараться вернуть народную песню слушателю, показать ее богатейшее прошлое, ее красоту, ее современность.

Пою и старинные песни, и новые, сохраняющие душу национального искусства.

Мне очень нравятся краски, голосовые эффекты, которые несет в себе русская песня. Интересно, что исполнители песен обладают своеобразными, непохожими друг на друга голосами, и их вокальные способности сохраняются до глубокой старости. Это связано прежде всего с тем, что народная песня всегда поется так, как удобнее петь исполнителю, он никого не копирует, не подгоняет голос под академические стандарты. Народная музыка отражает окружающий человека мир, поэтому в каждой песне легко прослеживается ее происхождение: где родился исполнитель, с теми характерными голосовыми оттенками он всю жизнь и поет. В этом и красота песни, и своеобразие.

Записала Татьяна СЕКРИДОВА.

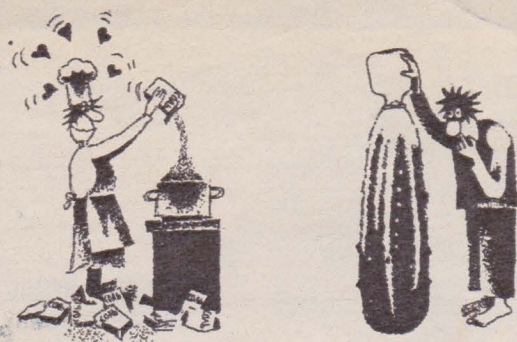
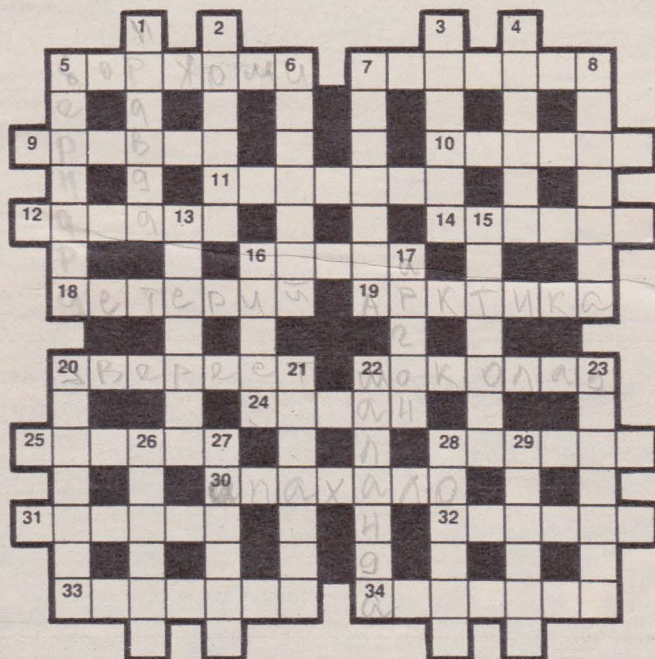

Рис. В. ХОМЯКОВА.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Минеральная вода. 7. Советский композитор, автор музыки песни «Полюшко-поле». 9. Бог войны у балтийских славян. 10. Ягодная культура. 11. Род свистковой флейты. 12. Роман Б. Пруса. 14. Денежная единица Древней Руси. 16. Озеро в Приморском крае. 18. Ядро атома тяжелого водорода. 19. Советский атомный ледокол, впервые достигший Северного полюса в 1977 году. 20. Одно из названий высочайшей вершины Земли. 22. Кондитерское изделие. 24. Осадное орудие, применявшееся в древности для разрушения крепостных стен. 25. Русский князь, владетель и преобразователь усадьбы Архангельское. 28. Деревянное гребное военное судно, созданное в 7 веке венецианцами. 30. Веер больших размеров. 31. Металлорежущий инструмент для обработки отверстий. 32. Большая дорожная карета. 33. Город-порт на Волге. 34. Морское млекопитающее семейства дельфиновых.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Старейшее партийное издательство СССР. 2. Танец, разновидность медленного вальса. 3. Первый офицерский чин в русском флоте. 4. Заключительная часть произведения, в которой кратко сообщается о судьбе героев. 5. Хирург, впервые в мире произведший пересадку человеческого сердца. 6. Город в Иране, в конце 16—18 веков столица государства. 7. Сельскохозяйственная машина. 8. Зимостойкий мелкоплодный сорт яблоны. 13. Провинция в центральной части Канады. 15. Вилообразное рыболовное орудие. 16. Льняная суровая ткань из толстой пряжи. 17. Инертный газ, применяемый в газоразрядных трубках. 20. Нарушение нормального хода чего-либо. 21. Советский селекционер, автор ряда ценных сортов пшеницы. 22. Плоскостная парусная рыболовная лодка на Черном море. 23. Независимое государство. 26. Свинья, обитающая в лесах Южной и Центральной Америки. 27. Короткий морской пролив. 28. Засухоустойчивый и солевыносливый сорняк. 29. Открытая галерея, примыкающая к зданию.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Александров. 6. Слет. 7. Рига. 9. Моряк. 10. Камо. 11. Ромм. 12. Литва. 14. Ялава. 17. Адомайтис. 21. Ревень. 23. Ректор. 25. Брусчатка. 26. Нельма. 27. Химера. 28. Тимошенко. 31. Нектар. 33. «Восход». 35. Степанова. 39. Волан. 42. Саган. 44. Айни. 45. Илот. 46. Динар. 47. Пеле. 48. Охра. 49. Луначарский.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Атака. 2. Кимоно. 3. «Аврора». 4. Декрет. 5. Время. 6. Сафи. 8. Алов. 12. Лавриненков. 13. Вече. 15. Лоск. 16. Азербайджан. 17. Альбатрос. 18. Марс. 19. Йота. 20. Страхова. 22. Валёк. 24. Треух. 29. Окоп. 30. Елин. 32. Тула. 34. Сена. 36. Ехидна. 37. Аренда. 38. Осирис. 40. Оцуп. 41. Надел. 42. Строй. 43. Арка.

Крестьянка

МАЙ 1988 г.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА.

Редакционная коллегия:

Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),

И. В. НОРКИНА,
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
И. Г. УШАЧЕВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. НОВИКОВА.
Номер оформлен
с участием Е. В. АНТОНОВА.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 14.03.88. Подписано
к печати 31.03.88. А 00319. Формат
бумаги 60×90%. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл.
кр.-отт. 21,00. Тираж 18 900 000 экз.
(1—14 630 386 экз.). Зак. № 2199.

Во всех случаях обнаружения по-
лиграфического брака редакция
просит обращаться в типографию,
печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрь-
ской Революции типография имене
В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Мо-
сква, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки фото
С. ПРИЙМАКА, на последней —
фото И. КЕЙТЕЛЬГИССЕРА.

СВЕТ ОТЕЧЕСТВА

Многое перестрадала белорусская земля, и великую войну перестрадала тоже. Вместе со всей страной как нераздельная, кровная часть целого... Не отголосок, а сильный, неумолкающий голос памяти поныне слышен здесь, под белорусским небом. И люди, вереницей поднимающиеся от изножия к вершине кургана Славы, слышат этот голос, и душа каждого откликается на щемящий пронзительный звук.

